В номере:

Феномен «Зомии на Амуре»

Жизненные ценности и миграционные намерения молодёжи Хабаровска

Модель общего равновесия для экономики Хабаровского края

Конкуренция мест: дискуссионные вопросы

Регионалистика

2017 Том 4 № 6

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:
шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований
Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.
Свидетельство Эл № ФС77-57151

■ ■ ■
Авторы несут полную
ответственность за подбор и
изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.
Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,
ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 225-404

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Дизайн и вёрстка:

В.Н. Украинский

Выпускающие редакторы номера:

С.Н. Найден, В.Н. Украинский

В оформлении обложки использована
карта Петера Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2017

Редакционная коллегия

Главный редактор: А.Н. Демьяненко,
д-р геогр. наук, профессор

д-р геогр. наук А.В. Мошков (Владивосток, Россия)
д-р экон. наук С.Н. Найден (Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук О.М. Прокапало (заместитель главного
редактора, Хабаровск, Россия)
д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)
проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)
проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)
канд. экон. наук А.П. Горюнов (Хабаровск, Россия)
канд. полит. наук А.А. Киреев (Владивосток, Россия)
Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)
канд. экон. наук В.Н. Украинский (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

Редакционный совет

Председатель: П.А. Минакир,
академик РАН

чл.-корр. РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)
чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)
чл.-корр. РАН В.И. Суслов (Новосибирск, Россия)
д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)
д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)
д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)
д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)
д-р экон. наук А.В. Островский (Москва, Россия)
д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)
д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

Бляхер Л.Е.

Быть неподвластным: феномен самоорганизации Приамурского крестьянства
в конце XIX – начале XX вв. 5

Антонова Н.Е.

Влияние внешних рынков на лесной комплекс российского Дальнего Востока:
современные тенденции 17

Найден С.Н.

Социальные эффекты от реализации инвестиционных проектов 28

Леонтьева Э.О., Садловская М.В.

Ценностные ориентиры и миграционные настроения молодёжи Хабаровска 34

Исаев А.Г.

Простая двухсекторная вычислимая модель общего равновесия экономики
Хабаровского края: спецификация и численное решение 47

Воронина Е.П.

Формирование опорных зон развития Арктической зоны Российской Федерации и
обеспечение их функционирования: применение Гар-анализа 60

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ ➔**Демьяненко А.Н., Украинский В.Н.**

Конкуренция на рынке местоположений 70

Украинский В.Н.

Индексирование городской и региональной конкурентоспособности: плюсы и минусы 77

CONTENTS

Blyakher L.E.

To Be Uncontrollable: The Phenomenon of Self-Organization of the Amur Peasantry
in the Late XIX – Early XX Centuries..... 5

Antonova N.E.

Influence of Foreign Markets on the Forest Complex of Russian Far East: Current Trends 17

Naiden S.N.

Social Effects from Implementation of Investment Projects 28

Leontyeva E.O., Sadlovskaya M.V.

Value Orientations and Migratory Moods of the Khabarovsk's Youth..... 34

Isaev A.G.

Simple Two-Sector Computable General Equilibrium Model of Khabarovsk Territory's
Economy: Specification and Numerical Solution..... 47

Voronina E.P.

Formation of Support Zones for the Development of Arctic Zone of Russian Federation
and Ensuring Their Functioning: Gap-Analysis 60

INVITATION TO DISCUSSION ➔***Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N.***

Competition in the Market of Places..... 70

Ukrainsky V.N.

Indexing of Urban and Regional Competitiveness: *pro et contra* 77

**БЛЯХЕР
Леонид
Ефимович**

Доктор философских наук,
профессор, заведующий
кафедрой

Тихоокеанский
государственный
университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

**BLYAKHER
Leonid
Efimovich**

Doctor of philosophy, professor,
head of department

Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

Leonid743342@mail.ru

© Бляхер Л.Е., 2017

УДК 316.3

**БЫТЬ НЕПОДВЛАСТНЫМ:
ФЕНОМЕН САМООРГАНИЗАЦИИ
ПРИАМУРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В предлагаемой работе делается попытка конструирования понятия из конкретного географического названия «Зомия», которым Дж. Скотт обозначает «страну горцев», расположенную на стыке множества государств в Тибете. По нашему мнению, это понятие, отражающее специфическую форму социальной самоорганизации, которая не нуждается в привычных структурах Государства Модерна, отстаивает своё право на инаковость. В качестве примера такого феномена в статье рассматривается сельское население Приамурья и Приморья, сложившееся в конце XIX – начале XX вв. (Зомия на Амуре). В качестве основного фактора, который позволяет Зомии на Амуре выстраивать собственный тип самоорганизации и отстаивать его, автор выделяет пространственный фактор.

Социологический инструментарий, Дальний Восток России, Зомия, Левиафан, пространство, самоорганизация

**TO BE UNCONTROLLABLE:
THE PHENOMENON OF SELF-ORGANIZATION
OF THE AMUR PEASANTRY IN THE LATE
XIX – EARLY XX CENTURIES**

The attempt is made to construct a concept from a specific geographical name «Zomiya» by which J. Scott refers to the «land of Highlanders» located at the junction of many states in Tibet. In our opinion, this concept which reflecting a specific form of social self-organization that does not need the usual structures of the State of Modernity defends its right to otherness. As an example of such a phenomenon, the article considers the rural population of the Priamurye and Primorye regions formed in the late XIX – early XX centuries (Zomiya on Amur River). The author identifies the spatial factor as the main one that allows Zomiya on Amur River to build own type of self-organization and defend it.

Sociological instruments, Russian Far East, Zomiya, Leviathan, space, self-organization

Введение

Формирование обществоведческих категорий – процесс достаточно сложный и противоречивый. Возникнув как удачное отражение некоторой уникальной ситуации, они генерализируются [2], распространяясь на целый класс объектов. Но, возникнув, они постепенно начинают заслонять сам объект от взгляда исследователя. Его внимание сосредоточено уже не на реальности, а на системе категорий, которая некогда эту реальность отражала. Чем более нестандартным и динамичным является объект исследования, тем сильнее расхождение между реальностью и инструментами её описания. В предельном случае реальность полностью остаётся за рамками исследования, становится «непоименованной» [4]. У исследователя просто не остаётся ресурсов, чтобы усмотреть и описать это несоответствие. Возникает специфическая «научная шизофрения». Я как эмпирическая личность понимаю, что мои модели не имеют отношения к видимой реальности, где я живу и поступаю, но как ученый я не могу это несоответствие описать и рассмотреть. Однако именно это не слишком приятное состояние является основанием для поиска нового инструментария, «расколдовывания» реальности. Как правило, источником для подобного инструментария выступает метафора, перенесение терминов из одной сферы в другую. Примером такого успешного переноса можно считать концепт «силовой предприниматель» [6], используемый В. Волковым для обозначения криминальных «крыш» 1990-х гг. Благодаря этому возникла возможность применить для описания феномена взаимодействия криминала и бизнеса не юридическую, а экономическую систему категорий, методы исследования. Нечто подобное мы попробуем реализовать и в настоящей статье.

Тот факт, что число макросоциальных способов организации общества достаточно велико, что они не столько наследуют друг другу, сколько сосуществуют, вступая в конфликт, конкурируя между собой, отмечался уже многократно [3]. Порой они имитируют господствующую форму – государство. Порой обходятся и без этого. Одним из наиболее ярких феноменов в этом ряду выступает Зомия. Это название предложил Вилль ван Шендель, а сделал известным Джеймс Скотт в знаменитом «Искусстве быть неподвластным» [26]. Под Зомией (страной горцев) они понимали огромную горную страну, расположенную на стыке десятков государств (Китай, Индии, Бирмы, Непала и т.д.), с населением более 100 миллионов человек. Но Зомия здесь – не только и не столько географический термин. Особенностью населения этой «страны» было то, что оно, различающееся в языковом и этническом отношении, осознанно выбрало путь уклонения от каких-либо контактов с теми принципами организации, которые сложились в государствах, особенно в Государствах Модерна [23].

Но Зомия для нас – это не только территориальное имя или антропологическое описание некоторой социальной общности. Представляется, что методологическое и социально-философское значение этого концепта намного выше. Он выступает своего рода знаком особого типа спонтанного порядка: «порядка без государства» [19]. Это понятие встречается в рассуждениях по поводу жизни в «несостоявшихся государствах»; оно становится знаменем и идеалом политического анархизма или воплощением природной дикости. Но всё же всё это происходит в некотором удалении и от исследователя, и от читателя. Зомия предстаёт как некоторая экзотика, своего рода «точка отсчёта», за которой начинается нормальная социальность и нормальная государственность [23].

Намного реже смысловое пространство, задаваемое понятием «Зомия» (принципиально внегосударственное существование сообщества), соотносится с чем-то, имеющим отношение к рутинной повседневности исследователя и читателя, с тем, что расположено здесь и сейчас. Тем не менее, подобные исследования появляются, смыкаясь с анализом феноменов, традиционно рассматриваемых в пространстве понятия «неформальная экономика» [1]. Основания

для подобного сближения есть. Ведь практики, используемые не только крестьянами, но и предпринимателями без регистрации, «гаражными» мастерами или «шабашниками» вполне сопоставимы с теми, которые описаны Дж. Скоттом [16] применительно к экзотическим горцам Тибета.

В последние десятилетия в России происходит взлёт исследований неформальности [14]. Но если в 1990-е гг. в неформальности видели одно из направлений транзита, в ходе которого будут выработаны необходимые для рыночной экономики институциональные механизмы [9], то сегодня восприятие иное. Неформальность в экономике понимается скорее как то, что противостоит государственному давлению (фискальному, силовому и т.д.), выступает формой выживания [18] в условиях, когда классические формы рыночной организации дают сбой. В сфере неформальности «маленький человек» ускользает от всевидящего ока государства, обретает соразмерный себе мир [4].

Тот же момент, что подобные самоорганизующиеся и «выпадающие» из государственного порядка или радикально переструктурирующие его форму сообщества являются в нашей стране не столько исключением, сколько правилом, основой хозяйственной и не только хозяйственной жизни, осмысливается совсем редко [13]. Они не просто противостоят государству, но, будучи в легальном пространстве, вытеснены и подавлены им, тем не менее впе­таются в его ткань, придают всему социальному и политическому организму иное качество. Из экзотической страны с невероятными для среднестатистического обывателя условиями жизни Зомия превращается в метафору особого типа повседневности, способ фиксации жилой жизни, противостоящей всеобщему бюрократическому знанию. Поверженная Левиафаном (государством), она растворяет его, превращая в себя, наделяя своими качествами, навязывая свои социальные практики. Государственные программы и правила, сами законы становятся только одной из сторон этого загадочного мира самостоятельного человеческого существования. Сам же этот мир превращается в вездесущего невидимку – значимого, но неуловимого, существующего за пределами статистики, но трансформирующего саму эту «статистику» в нечто, имеющее самое косвенное отношение к «благим намерениям государства» [15].

Для того, чтобы подобное сообщество возникло, стало ключевым элементом реальности, нужны особые условия. И важнейшее из них – недоступность. Дж. Скотт пишет о горах как основе сопротивления жителей Зомии бюрократическому воздействию государства. Но в определённых случаях и равнина (тайга, степь) может стать такой основой. Этот случай – Дальний Восток России – и предполагаем рассмотреть мы.

Понятно, что в рамках «безгосударственного» существования Зомия не стремится к самопрезентации, склонна к тому, чтобы оставаться в «тени». И только в тот момент, когда государство по каким-либо причинам пытается «надавить» на неё, проконтролировать или даже «помочь», нарушая её привычный образ жизни, она актуализируется, защищается. Здесь она выходит на авансцену, становится видимой и фиксируемой, хотя часто под чужим именем. Но для того, чтобы спонтанный порядок [25] Зомии вышел на поверхность, оказался способным противостоять Левиафану, нужны особые условия.

В настоящей статье делается попытка показать, как сложились такие условия, сформировался такой жизненный уклад на Востоке России в конце XIX в., как выстраивалось взаимодействие (избегание) Зомии на Амуре с государством, как её наличие сказалось на всей позднейшей истории региона. Однако прежде чем приступить к описанию обозначенных выше перипетий, стоит описать то, что я называю в статье Зомией на Амуре. Об этом и пойдет речь далее.

Зомия на Амуре

Понятием «Зомия на Амуре» мы обозначаем в статье особую форму организации общества, сложившуюся здесь среди крестьян-переселенцев во второй половине XIX столетия. В исторических работах освоение областей за озером Байкал традиционно делилось на два этапа: до 1861 г. – принудительный, через водворение (казаки, приписанные к заводам рабочие и крепостные крестьяне, каторжники и т.д.); после 1861 г. – добровольное переселение. Рубежом здесь выступали «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» от 27 апреля 1861 г. [10]. Этими правилами, исходящими из проекта, разработанного генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н.Н. Муравьевым-Амурским, для переселенцев предполагался широчайший объем льгот.

Во-первых, наделение земельным участком в размере 100 десятин (около 109 гектаров) на семью. Во-вторых, переселенцы освобождались от податей (за исключением местных, идущих на развитие той же деревни), освобождались они и от рекрутской повинности. Главная их задача – обживать земли, отошедшие к России по Айгунскому и Пекинскому договорам, по существу – наиболее плодородные земли за Байкалом. С этих «вольных» крестьян и логично было бы начать историю Зомии на Амуре.

До них земли северной и северо-западной части региона пытались освоить с помощью каторжников и «приписанных» к заводам крепостных, жестко контролируемых, казаков, «штрафованных нижних чинов». Пытались неудачно. Освоение – даже разработка серебряных месторождений – оказывалось нерентабельным, требовало новых и новых вложений из казны. Причиной столь неуспешного освоения выступало само пространство, попросту поглощающее любые попытки контроля и управления. И в этот период самоорганизация имела место.

Так, построенный для нужд Камчатской экспедиции «железодельный завод» в Нерчинском округе достаточно быстро переориентировался на выпуск сельскохозяйственного инвентаря. Однако именно государство (Левиафан) определяло основные направления деятельности, имеющие вполне косвенное отношение к жизни региона (добыча руды, плавка серебра, обслуживание камчатских экспедиций). В силу того, что большая часть населения не работала на самообеспечение, возникала необходимость завоза продовольствия, мастеров, инструментов и т.д. издали. Поскольку везли издали, себестоимость продукции (да и просто проживания на территории) возрастала многократно. Это и делало освоение невероятно дорогим.

Но задолго до того, как за Байкалом раздался звон кандалный, освоение региона всё же было осуществлено казацкой вольницей, звероловами и промысловиками [10]. Земли за Байкалом осваивали люди вольные, беглые. Именно здесь, на Амуре, была построена первая (и единственная) «народная» крепость – Албазин. Построена она была не по инициативе государства, а вопреки ему, беглыми казаками, убившими воеводу Лаврентия Обухова за «стыдные дела».

Только после почти сорокалетней войны с Манчжурией (1651–1689 гг.) и заключения Нерчинского мирного договора ситуация начала меняться. Относительная политическая стабильность позволяет «осмотреться» власти. Обнаруживаются важные для государства месторождения полезных ископаемых, развивается торговля с Китаем, основы которой заложены в Нерчинском договоре, начинаются Камчатские экспедиции. Безусловно, подневольное население в этот период преобладает. Но, как показал А.В. Ремнёв [20], предшествующее население не исчезло, ведь охота на пушного зверя продолжала быть выгодным промыслом. Она и в XVIII столетии приносила немалую выгоду всем участникам. Просто власть переста-

ет за неё «отчитываться». Не случайно основателям знаменитой Российско-Американской компании [5] пришлось достаточно долго убеждать власти, что предприятие стоит вложений.

Исчезая из отчётов, люди выпадают из орбиты государства, становятся «невидимками». Они и задают контуры первоначальной Зомии за Байкалом. Последняя состоит из зимовий и охотничьих угодий, удалённых от заводов, трактов и центров власти. Пространство блокирует любые попытки как-то их проконтролировать или хотя бы учесть. То есть, в принципе, это возможно. Однако цена подобной инициативы будет *a priori* намного выше, чем те блага, которые государство от этого получит. Потому и живут они спокойно и невидимо. Впрочем, эта структура отнюдь не эфемерна. С ней взаимодействуют (порой мирно, а порой и конфликтно) местные народы. С охотниками торгуют русские, инородческие и китайские купцы. Торговля дополняет то, что не может дать тайга. В результате, в отличие от «видимой» и поддерживаемой государством части населения «невидимки» вполне обеспечивали себя и без государства.

Сам факт наличия в регионе этих «невидимок» дестабилизировал структуры принуждения. Избыточная эксплуатация вызывала стабильную и эффективную форму протеста: бегство. На побережье за Охотском, по Лене, на Камчатке вновь и вновь возникают вольные заимки, между которыми организуются собственные – вне государства – формы коммуникации. Продолжает развиваться инфраструктура, позволяющая обменивать продукты охоты и рыбной ловли на хлеб, порох, одежду и т.п. [22]. Разъездная и ярмарочная торговля связывает охотников и потенциальных потребителей. Русские, якутские, джунгарские и китайские купцы компенсируют для «невидимок» недоступность «сибирских хлебных отпусков».

Отмена крепостного права, очевидная убыточность государственных заводов, финансовый кризис, приведший к уменьшению внешних поставок за Байкал, приводят к массовому оттоку населения из региона. К 1861 г. здесь проживает около 30 тысяч человек [10]. После массового отъезда (бегства) населения с востока на запад в середине XIX в. «невидимки» и остались основными жителями. Конечно, на восток из Сибири переводятся войска, начинается переселение казаков, крестьянское переселение. Но до 1880-х гг. было их совсем немного. Да и взаимодействуют они не столько с полицейскими властями, сколько с «невидимками».

Так, за всё двадцатилетие – с 60-х до 80-х годов XIX в. – в Приморскую область (Уссурийский край) из других регионов прибыло чуть более трёх тысяч переселенцев [12]. При этом, что объём льгот для них постоянно возрастал: с 1866 г. переселенцам стали платить своего рода «подъёмные» – сто рублей на семью. Предоставлялся и солдатский паёк до нового урожая, право выкупа выделенных десятин в полную собственность по льготной цене. Причина проста: невероятная дальность пути. Время пути до Приамурья и Приморья составляло более полутора лет. Никакой инфраструктуры до 1880-х гг. не имелось. При этом по дороге были гораздо более обжитые, но всё ещё вполне свободные сибирские земли. В результате только 9% переселенцев добиралось до Амура [10]. Не случайно казаков – основную военную силу региона – долгие годы предпочитали переводить не с Кубани или Дона, а из Забайкалья и Восточной Сибири. Наиболее активны были старообрядцы, для которых удалённость и неустроенность оказывались плюсом, а не минусом.

Поток переселенцев возрастает к 80-м годам XIX в. Улучшаются условия сухопутного путешествия к Амуру. Создание «Доброфлота» позволило организовать регулярные рейсы из Одессы во Владивосток. Возникают и государственные программы переселения: казённо-коштные и своекоштные. «Своекоштные» (за свой счёт) переселенцы вносили залог в 400–600 рублей. За эту сумму они не только переправлялись на восток страны, но обеспечивались (так должно было быть) лошадью, материалами для постройки дома, семенным фондом, сельскохозяйственным инвентарём и продуктами до нового урожая. Переселенцы занимали

понравившуюся им землю (захват) и начинали хозяйствовать.

Знаменитые на Дальнем Востоке «сто десятин», от которых, вероятно, и отталкивались авторы идеи «дальневосточного гектара», были вещью достаточно приблизительной. В условиях гигантского массива пустых плодородных земель, отсутствия какого-либо учёта и размежевания земли крестьяне брали столько, сколько могли обработать. «Казённокоштные» (за государственный счёт) переселенцы были несколько более связаны с точки зрения места поселения и необходимости возврата долга, но тоже должны были получить весь объём льгот [12]. Впрочем, «казённокоштных» переселенцев было на порядок меньше, чем тех, кто переселялся, не напрягая казну. Достаточно серьёзный поток шёл сухопутным маршрутом в Амурскую область, частично – помимо каких-либо государственных программ. В результате за период с 1881 по 1901 гг. в Приамурье и Приморье переселилось более двухсот тысяч человек, из них 86,2% – крестьян [10]. Они и составили Зомию на Амуре.

Стоит уточнить, в каком отношении имеет смысл называть сеть крестьянских поселений на восточной окраине Российской империи Зомией. Казалось бы, в этом утверждении есть очевидное противоречие. Зомия – во всяком случае, в том виде, в котором она предстаёт в работах Дж. Скотта – представляет собой явление, принципиально дистанцированное от государственного участия. Она возникла до государства, старательно избегает контактов с ним. Здесь же перед нами – вполне осмысленная и оформленная в виде положений и законов государственная программа переселения.

Всё это действительно так. Но гигантские пространства, которые больше были лишь обозначены, как принадлежащие России [7], чем реально контролировались российской администрацией, превращали государственные программы переселения в индивидуальное приключение переселяющегося. Сразу после переселения крестьянам приходилось обеспечивать себя или с минимальной опорой на государственный патронаж, или совсем без него. Но слабость государства на отдалённой периферии (минимизация издержек легальности и издержек контроля), обилие плодородной земли в Амурской области (по рекам Зeya и Бурея) и на территории Приморской области делали задачу самообеспечения вполне решаемой. Тем более что целинные земли давали урожай выше, чем в среднем по России.

Об успешном решении этой задачи говорит то, что среди крестьянства региона вплоть до начала XX в. почти отсутствовали промыслы и отходничество – жизнедеятельность большей части семей обеспечивало земледелие. Конечно, были и аутсайдеры: около 5% переселенцев возвращалось обратно. Упоминаются и те, кто не смог собрать деньги на отъезд и был вынужден жить, продавая свой труд в качестве наёмных рабочих (батраков). Однако численно эта группа была невелика [17]. Бедняки без собственного хозяйства составляли в Приамурской деревне чуть более 9%. Ещё 15% населения деревень запахивало менее 10 десятин, обладая имуществом стоимостью до 500 рублей. Эту группу исследователи тоже относят к «беднякам» [10]. Однако стоит отметить, что для большей части страны эти хозяйства относились к средней группе. Как правило, в эту группу попадали недавние переселенцы, ещё только обживающиеся на новом месте. В целом, крестьяне-старожилы (переселенцы до 1901 г.) успешно осваивали территорию, обеспечивали себя и не только себя.

Собственно, с этой целью и предпринималась государственная программа переселения. «Пустая» территория, как представлялось власти, не могла считаться вполне присоединённой. Но государство здесь оказывалось не во главе, а в сторонке. Стремление руководить и контролировать процесс переселения, как было и в период до 1862 г., наталкивалось на пространственные проблемы, недостаток дорог и слабость аппарата принуждения. Пространство гасило управленческие усилия. Оно не позволяло не только оценить количество освоенной земли, уточнить расположение деревень, но даже вести учёт прибывших. Крестьяне-

старожилы оказывались не то чтобы невидимками, как охотники и промысловики XVIII в., но и видимыми их назвать было сложно. Только в самом конце периода в регионе появились чиновники, которые хотя бы приблизительно учитывали сам факт переезда, численность населения в губернии, волости, уезде. Хозяйственные же практики крестьян полностью находились за пределами государственного ока.

Община скреплялась не столько круговой порукой, сколько системой взаимопомощи. Это не только помощь при обживании новой территории, но и помощь при взаимодействии с государством (получении причитающегося денежного довольствия, семенного фонда, орудий), помощь в защите от банд, в изобилии водившихся в регионе, помощь в противостоянии власти. Сложившиеся сельские сообщества становились важнейшим регулятором отношений между крестьянами.

Одной из немногих повинностей, остающихся у крестьян-переселенцев, была гужевая повинность: обязанность предоставления транспорта и лошадей для перевозки военных и иных грузов. Последнее, как показывает Ю.Н. Осипов [17], было достаточно обременительно для крестьян, особенно в период полевых работ. В масштабах волости нанимались безземельные или малоземельные крестьяне, которые и исполняли эту повинность «от имени» той деревни, на которую падала повинность. Показательно, что финансирование этого мероприятия ложилось на плечи богатых односельчан. Они же организовывали и снабжали деревенские отряды самообороны, особенно важные в приграничных районах, помогали попавшим в трудное положение односельчанам, получая ответные услуги от «мира».

Зомия на Амуре под ударом

Наращение переселенческого потока к концу 1890-х гг. и позже привело к тому, что свободных земель стало не хватать. Удар по Зомии на Амуре нанёс и «отвод Духовского» – выделение для нужд казачества (составлявшего около 12% населения региона) почти трети всех «удобных» земель (более 9 миллионов десятин земли). Хотя использовалось из этого фонда менее 10% земель, занимать землю в «казачьих» районах было нельзя. Формировался конфликт между «старожилами» (уже обзаведшимися хозяйством) и «новосёлами» [10].

Ситуацию усугубляла «война кадастров». Армейский (казачий) «отвод», захватно-заимочные участки, законность которых тоже признавалась, и отводы под новых поселенцев в условиях отсутствия точных карт, официальных размежеваний и т.д. начинали противоречить друг другу. В результате часто выделялись участки, уже находящиеся в пользовании «старожилов» или вошедшие в «войсковую полосу» [17]. Не меньше неразберихи вносило и отсутствие учёта переселенцев. Несмотря на наличие Переселенческого управления и его огромные полномочия, грамотных чиновников катастрофически не хватало. Не случайно в Приамурье в число государственных служащих часто попадали ссыльные революционеры.

Неучтённые новосёлы, однако, тоже претендовали на землю, что создавало новые поводы для конфликтов. Можно предположить, что в условиях конфликта будет возрастать роль государства как регулятора. Действительно, в конце столетия наблюдается некоторый рост числа обращений крестьян с жалобами к властям. Однако рост этот был небольшой и достаточно быстро прекратился. Причина в том, что формирующаяся Зомия на Амуре смогла выработать собственные механизмы разрешения конфликтов, кооптации в себя новых участников [17].

Первый механизм – включение новосёлов в сообщество (с наделением землёй) через «приписку» к общине. Последняя предполагала оказание прибывшими некой услуги обществу или просто внесение суммы (до 200 рублей). Через «приписку» новосёл получал доступ к

земле. Можно было и просто «купить номер», то есть уже созданное хозяйство с землёй и постройками.

Встречался и вариант переделов. В волостях, где острота земельного вопроса была выше (главным образом в деревнях старообрядцев), крестьянский сход принимал решение проводить систематические переделы земли, перераспределяя её либо по «номерам» (по числу хозяйств), либо по «числу бойцов» (работников). Такие переделы позволяли включить новосёлов в сельские сообщества, преодолеть возможный конфликт, не прибегая к помощи государства. Нам не удалось найти свидетельства борьбы с переделами состоятельной части сельского сообщества. Состоятельный общинник был заинтересован в сообществе немногим меньше, чем бедняк, которому помогал «мир». В условиях слабо обжитого края, когда успех мог в любой момент смениться бедствием, именно «мир» выступал необходимым условием безопасности. Те же хозяева, которые предпочитали вести фермерское хозяйство, поставляя товарное зерно, молоко и т.д. на рынок, просто покупали землю, оказываясь в качественно ином пространстве [17].

Часть новосёлов (особенно в начале XX в.) предпочитала селиться севернее основной земледельческой зоны, на нижнем Амуре. Хлебопашество здесь было почти бессмысленным. Основу их хозяйства составляли огородничество, охота, рыболовство для самообеспечения и товарное рыболовство, лесозаготовки и лесосплав для закупки хлеба и городских товаров. Именно они заложили основу рыболовства, ставшего впоследствии одним из основных направлений хозяйства в регионе. Впрочем, не они одни.

Уже в 1880-е гг. начинается активная миграция купечества в регион (из Сибири, из Китая, из Европы), выделение купцов из крестьян и мещан. Конечно, главным их интересом становятся золотодобыча, добыча иных полезных ископаемых, казённые подряды. Однако к этому «куску» был допущен очень узкий круг крупнейших предпринимателей, многие из которых жили за пределами региона, и которых представляли здесь приказчики [10]. Гораздо шире был круг купцов, взаимодействующих с Зомией, множеством самостоятельных хозяев-крестьян. Они скупают и экспортируют рыбу и лес на среднем и нижнем Амуре, хлеб и скот в районах зернового хозяйства, организуют мукомольни, маслозаводы, винокуренное производство и т.д. [11].

Купцы поставляли и «городскую продукцию», в том числе сельскохозяйственную технику. Лучшие образцы немецкой и американской сельскохозяйственной техники были здесь нормой, а не редкостью. Менее состоятельные предпочитали несколько худшую, но более дешёвую японскую технику. Поставки осуществлялись через Шанхай фирмой «Кунст и Альберс», торговым домом Плюсниных и многими сотнями других посредников [8].

Режим порто-франко в регионе то вводился, то отменялся, существенно влияя на крупные торговые операции в городах Приамурского генерал-губернаторства, на усилия чиновников и стражи. Но на Зомию он влиял минимально, поскольку фактическое порто-франко сохранялось весь период, вплоть до 1930-х гг. Привычка к работе с использованием достаточно дорогих механизмов дала толчок к ещё одной форме самоорганизации вольных хлебопашцев: крестьяне Приамурья и Приморья начинают объединяться в кооперативы для организации закупок техники, получения коллективных кредитов, сбыта излишков и т.д.

Спокойное, уже достаточно многочисленное и состоятельное крестьянство восточной окраины, кроме того, защищённое от давления со стороны властей «Правилами» 1861 и 1881 гг., да и самим пространством, процветало. Для решения своих проблем крестьяне собирали съезды и совещания в масштабах губернии, учили детей в городских гимназиях и даже в вузах, открывали на свои средства (местные подати) больницы и начальные школы по месту жительства.

При этом государственная жизнь, как и всевозможные внешние и внутривластные проблемы, проходила помимо них. Власти стремились не столько как-то поставить их под контроль (ответом на это, как правило, был уход на новые земли, в том числе за границу), сколько как-то соединить собственные интересы и интересы крестьян. Так, чтобы использовать боевую силу крестьян против банд хунхузов, власти просто выделили известному своей многочисленностью сообществу земли на опасной территории. Защищая своё хозяйство, крестьяне выполняли и охранную функцию для власти [17].

Специфической оказывалась и роль управленцев. Поскольку управлять крестьянами, «размазанными» по гигантской территории, было трудно, обходились иначе. О мздоимстве чиновников в Приамурье писали все, кто в то время писал об этой земле. Купцы и владельцы рудников, рыбопромышленники и богатые сельчане «брали на жалование» чиновников [24]. В этой связи заманчивым представляется проведение аналогии с модной сегодня борьбой с коррупцией. Однако думается, что мы имеем дело с явлением иной природы. Представляется, что это и был единственно возможный бесконфликтный способ взаимодействия государства и Зомии. Левиафан не просто брал плату за «плохое зрение». Через подобную «мзду» (дань) выстраивались отношения между стационарным бандитом, который, тем не менее, не может «производить порядок» и самоорганизующимся обществом, которому этот бандит оказался не нужен. Поскольку он слишком силен, чтобы от него избавиться вовсе, от него откупаются. «Мзда» же идёт далеко не только в карман конкретному чиновнику, но и на выполнение вполне легальных государственных проектов: строительство крепостей, содержание больниц и т.д. Ведь для того, чтобы выстроить какую-то иную модель взаимодействия власти и подвластного населения в условиях огромных пространств и бездорожья, необходимо качественно большее число тех самых чиновников. Значит, возрастут издержки, которые в конце концов сделают бессмысленной саму деятельность, которой занимаются и чиновники, и население.

Заключение

Но судьба Зомии на Амуре, как и судьба Зомии в Тибете, описанная Джеймсом Скоттом, отнюдь не была безоблачной. Уже в первом десятилетии XX в. государство, обрётшее экономическую мощь, переживая травму поражения в русско-японской войне, начинает наступление на Дальний Восток и прежде всего на Зомию на Амуре. В регион теперь текут не крестьяне, но военные, рабочие на прииски, оборонные заводы, строительство железной дороги. Массово прибывают чиновники. Усиливается полицейское давление на деревню. Ответом становится традиционное «оружие слабых»: саботаж, бегство (в тайгу или в сопредельные страны, находящиеся под русским контролем) [16].

После перипетий гражданской войны и относительного благополучия в годы ДВР начинается новый натиск на крестьянскую вольницу, приведший к Зейскому восстанию 1924–1925 гг. [21]. Его подавление с помощью регулярной армии вызывает массовое бегство в соседнюю Маньчжурию. Причина поражения Зомии достаточно очевидна. Речь здесь идёт не столько о военном превосходстве регулярной армии над вчерашними приамурскими партизанами. Не меньший перевес сил был и в Российской империи. Дело в ином. Большевики, в отличие от своих предшественников, не руководствовались экономическими соображениями. Уничтожить самодеятельное крестьянство в регионе было неразумно с хозяйственной точки зрения, но вполне оправдано с точки зрения господства.

Новые люди, заселившие Дальний Восток, были совсем другими: военные и рабочие оборонных предприятий, строители и спецконтингент (заключённые) составляли теперь большинство. Их принципиальная исключённость из региона за счёт включения в хозяйство

РСФСР (СССР) вновь делала Дальний Восток глубоко дотационным, зависимым от поставок извне.

Казалось, что Зомия исчезла. Но остался главный фактор, некогда её породивший – пространство Дальнего Востока, обозначенное как принадлежащее новой власти, но не контролируемое им просто в силу своей огромности. Оно противилось организации регулярной коммуникации, нарушало график поставок, мешало в организации быта, ставило под угрозу государственные стройки. Проблема самообеспечения становится одной из важнейших в регионе. Здесь, да и в тайге, которая так и осталась свободной, находилось место для новых невидимок, осколков Зомии. Здесь она переживала советскую зиму, воспрянув с первыми же признаками ослабления Левиафана.

Таким образом, вполне отчётливо выделяются две чередующиеся формы социальной организации на Дальнем Востоке России. Первая состоит в титанической попытке Левиафана (государства) взять под контроль пространство, учесть его, контролировать и управлять. Но каждый раз издержки этого натиска на «пустоту» оказываются намного выше, чем выгоды от освоения. Это не только инвестиции в строительство дорог, жилья, освоение природных богатств. Если бы речь шла только о них, то Зомия на Амуре («пустое пространство», где возможна самоорганизация), вероятно, давно бы исчезла. Чудовищно возрастают издержки легальности, издержки контроля. Они и приводят к тому, что, как только намечаются первые признаки ослабления Левиафана, Зомия, до того невидимая, вновь выходит на авансцену, чтобы в очередной раз спасти Дальний Восток.

Список литературы

1. Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 224 с.
2. Бляхер Е.Д., Волынская Л.М. Генерализация как общенаучная операция // *Философские науки*. 1982. № 1. С. 43–49.
3. Бляхер Л.Е. Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.
4. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 2005. 218 с.
5. Болховитинов Н.Н. История Русской Америки (1732–1867). Т. III. М.: Международные отношения, 1997. 480 с.
6. Волков В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 282 с.
7. Говорухин Г.Э. Власть и властные отношения в символическом пространстве осваиваемого региона. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2007. 182 с.
8. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1976. 344 с.
9. Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса. На примере мелких предпринимателей и самозанятых / под ред. Л.Е. Бляхера. М.: МОНФ, 2000. 123 с.
10. История Дальнего Востока СССР. Т. 2. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
11. Кажанова Т.М. Амурские крестьяне на выставках (конец XIX – начало XX вв.) // *Приамурье на рубеже веков: Тез. докл. региональной научно практической конференции 22–24 октября 2000 г.* Благовещенск, 2001. С. 52–53.
12. Кирьяков В.В. Очерки истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. 326 с.
13. Кордонский С.Г. Норма отката // *Отечественные записки*. 2012. № 2. С. 71–80.

14. Леонтьева Э.О. Неформальная экономика: модель для сборки. Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. 2-е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017 // Полития. 2017. № 3. С. 188–191.
15. Моляренко О.А. Бесхозные автомобильные дороги в России // ЭКО. 2017. № 4. С. 88–109.
16. Никулин А. Сатурналии мощи. Искусство господства и сопротивления в концепции Джеймса Скотта // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 121–138.
17. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы 1855–1917 годы. Владивосток: ВГУЭС, 2012. 188 с.
18. Павлов А.Б., Селеев С.С. Феноменологическое описание современной промысловой деятельности // Universum: Общественные науки. 2015. № 3. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013> (дата обращения: 17.11.2017).
19. Подвинцев О.Б. Идея «Несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2007. № 7. С. 204–214. (дата обращения: 18.11.2017).
20. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
21. Саначев И.Д. Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестник ДВО РАН. 1992. № 3–4. С. 170–180.
22. Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980. 145 с.
23. Скорин-Чайков Н. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 155–187.
24. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк. СПб., 1912. 428 с.
25. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
26. Scott J.C. The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 2009. 462 p.

References

1. Barsukova S.Yu. *The Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Gray*. 2nd ed. Moscow, 2017. 224 p. (In Russian)
2. Blyakher E.D., Volynskaya L.M. Generalization as a General Scientific Operation. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 1982. No. 1. Pp. 43–49. (In Russian)
3. Blyakher L.E. *The Art of Uncontrolled Life: Far East*. Moscow, 2014. 208 p. (In Russian)
4. Blyakher L.E. *Unstable Social Conditions*. Moscow, 2005. 218 p. (In Russian)
5. Bolkhovitinov N.N. *The History of Russian America (1732–1867)*. Vol. III. Moscow, 1997. 480 p. (In Russian)
6. Volkov V.V. *Strong Entrepreneurship: Economic and Sociological Analysis*. Moscow, 2005. 282 p. (In Russian)
7. Govorukhin G.E. *Power and Power Relations in the Symbolic Space of the Developed Region*. Komso-molsk-na-Amure, 2007. 182 p. (In Russian)
8. Goryushkin L.M. *Agrarian Relations in Siberia during the Period of Imperialism (1900–1917)*. Novosibirsk, 1976. 344 p. (In Russian)
9. *Changing the Behavior of the Economically Active Population in a Crisis. On the Example of Small Entrepreneurs and Self-Employed*. Ed. by L.E. Blyakher. Moscow, 2000. 123 p. (In Russian)
10. *History of the Far East of the USSR. Vol. 2. History of the Far East of the USSR in the Era of Feudalism and Capitalism (XVII Century – February, 1917)*. Moscow, 1990. 471 p. (In Russian)

11. Kazhanova T.M. Amur Peasants at Exhibitions (Late XIX – Early XX Centuries). In: *Priamurye at the Turn of the Century: Proceedings of Regional Scientific and Practical Conference, October 22–24, 2000*. Blagoveshchensk, 2001. Pp. 52–53. (In Russian)
12. Kir'yakov V.V. *Essays on the History of the Resettlement Movement in Siberia (In Connection with the History of Settlement of Siberia)*. Moscow, 1902. 326 p. (In Russian)
13. Kordonskiy S.G. The Rate of Recoil. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Papers]. 2012. No. 2. Pp. 71–80. (In Russian)
14. Leontyeva E.O. Informal Economy: A Model Kit. Barsukova S.Yu. Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Gray. 2nd edition. M.: The Higher School of Economics Publishing House, 2017. *Politiya* [Politeia]. 2017. No. 3. Pp. 188–191. (In Russian)
15. Molyarenko O.A. Ownerless Highways in Russia. *EKO* [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 88–109. (In Russian)
16. Nikulin A. Saturnalia of Power. The Art of Domination and Resistance in the Concept of James Scott. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Papers]. 2003. No. 3. Pp. 121–138. (In Russian)
17. Osipov Yu.N. *Old Settled Peasants 1855–1917*. Vladivostok, 2012. 188 p. (In Russian)
18. Pavlov A.B., Selev S.S. Phenomenological Description of Modern Fishing Activity. *Universum: Obshchestvennye nauki* [Universum: Social Sciences]. 2015. No. 3. Available at: <http://7universum.com/en/social/archive/item/2013> (accessed 17 November 2017). (In Russian)
19. Podvintsev O.B. The Idea of «Failed States» in the Russian Post-Imperial Context. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2007. No. 7. Pp. 204–214. (In Russian)
20. Remnev A.V. *Russia of the Far East. The Imperial Geography of Power of the XIX – Early XX Centuries*. Omsk, 2004. 552 p. (In Russian)
21. Sanachev I.D. The Peasant Uprising on the Amur is a Kulak Revolt or a Step of Despair? *Vestnik Dalnevostochnogo otdelenia Rossiiskoy akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 1992. № 3–4. Pp. 170–180. (In Russian)
22. Safronov F.G. *Russian Fishing, Hunting and Trades in the Northeast of Asia in XVII – the Middle of XIX Centuries*. Moscow, 1980. 145 p. (In Russian)
23. Ssorin-Chaikov N. Hobbes in Siberia: On the Social Life of the State. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2012. No. 4–5. Pp. 155–187. (In Russian)
24. Unterberger P.F. *Priamursky Krai. 1906–1910. Essay*. S.-Petersburg, 1912. 428 p. (In Russian)
25. Hayek F.A. von. *The Road to Serfdom*. Moscow, 2005. 264 p. (In Russian)
26. Scott J.C. *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 2009. 462 p.

■ ■ ■
Для цитирования:

Бляхер Л.Е. Быть неподвластным: феномен самоорганизации Приамурского крестьянства в конце XIX – начале XX вв. // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 5–16. DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

For citing:

Blyakher L.E. To Be Uncontrollable: The Phenomenon of Self-Organization of the Amur Peasantry in the Late XIX – Early XX Centuries. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 5–16. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

АНТОНОВА
Наталья
Евгеньевна

Доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

ANTONOVA
Natalia
Evgenyevna

Doctor of economics,
chief researcher
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

antonova@ecrin.ru

© Антонова Н.Е., 2017

УДК 339.5 + 330.15

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ РЫНКОВ НА ЛЕСНОЙ КОМПЛЕКС РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Исследованы тенденции на мировых рынках лесопромышленной продукции, наблюдавшиеся в 2007–2015 гг. Показано как изменилось место национального и дальневосточного лесных комплексов на рынке Северо-Восточной Азии в результате ужесточения таможенного режима экспорта древесины. Выявлено, что лесной комплекс Дальнего Востока, потеряв устойчивый рынок сбыта для лесопромышленной продукции, попал в кризисную ситуацию, которая усугубилась из-за падения цен на лесопромышленную продукцию на китайском рынке.

Внешние рынки лесопромышленной продукции, лесной комплекс, Дальний Восток России, Северо-Восточная Азия, таможенное регулирование

INFLUENCE OF FOREIGN MARKETS ON THE FOREST COMPLEX OF RUSSIAN FAR EAST: CURRENT TRENDS

The tendencies at world forest markets in 2007–2015 are investigated. It is shown as the place of national and Far Eastern forest complexes in the market of Northeast Asia as a result of toughening of customs regulations in wood export has changed. It is revealed that the forest complex of Russian Far East having lost steady sales market for timber industry products has got into a crisis situation which was aggravated with falling of the prices on timber industry products in the Chinese market.

Foreign forest markets, forest complex, Russian Far East, Northeast Asia, custom regulation

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 15-I-8-012 «Развитие ресурсного сектора экономики Дальнего Востока в условиях ресурсно-спросовых ограничений и институциональных шоков» Программы фундаментальных исследований ДВО РАН.

Введение

Для лесного комплекса Дальнего Востока, в силу экономико-географического положения региона, пространственного барьера, препятствующего выходу на национальный рынок, узкого внутрирегионального спроса, нет альтернативы внешнеэкономической ориентации. Поэтому актуальной задачей является исследование состояния внешних лесных рынков, с более детальным рассмотрением тех рынков, на которые ориентирован региональный лесной комплекс.

Ранее – до начала ужесточения лесозэкспортной политики России, то есть до 2007 г. – нами уже проводилось исследование экспортных лесных рынков [2]. Россия (Дальний Восток в том числе) занимала на этих рынках существенные позиции, особенно на лесном рынке Северо-Восточной Азии. Цель данной статьи – рассмотреть, какие проявились тенденции за прошедшее десятилетие на мировых лесных рынках, какие факторы оказали наибольшее влияние на эти рынки, как изменилось положение российского (в том числе дальневосточного) лесного комплекса на рынках стран Северо-Восточной Азии в результате изменений в российском таможенном регулировании.

Тенденции развития мирового лесного рынка в 2007–2015 гг.

Мировой финансово-экономический кризис внёс существенные коррективы в функционирование мировых лесных рынков, когда в 2008–2009 гг. из-за ипотечного кризиса в США и сокращения жилищного строительства упал спрос на изделия из древесины и, соответственно, на сырьё (на 16% в 2009 г. по сравнению с 2007 г.). Затем вновь начался подъём мирового потребления необработанной древесины, во многом за счёт увеличения внутреннего спроса на древесину в Китае. В целом с 2007 по 2015 гг. потребление необработанной древесины в мире выросло на 8,8% за счёт роста спроса на лиственную древесину на 29,2%. Потребление хвойной древесины за этот период упало на 3,3%, в 2015 г. оно составило 1 031,7 млн м³ (табл. 1).

Таблица 1

Потребление и импорт необработанной древесины на крупнейших лесных рынках мира, млн м³

Показатель	2007			2015		
	хвойная	лиственная	всего	хвойная	лиственная	всего
Мировое потребление	1 067,5	632	1 700	1031,7	817	1 848,7
Мировой импорт, в том числе:	88,5	50,5	139,0	79,4	44,0	129,2
страны Европы	39,5	25,7	64,9	34,4	19,1	58,4
страны СВА	39,3	16,3	55,7	37,1	15,4	52,5

Примечание: в страны СВА включены КНР, Япония и Республика Корея; показатели Монголии и КНДР не учитывались ввиду их незначительной величины.

Источники: <http://www.fao.org/3/a-i3252m.pdf>; <http://www.fao.org/3/a-i7304m.pdf>

Рост потребления был обеспечен в основном за счёт собственного производства древесины в странах, которое выросло за 2007–2015 гг. на 10,9% (до 1 847,7 млн м³) опять же за

счёт роста производства лиственной древесины (на 28,8%). Мировое производство хвойной древесины сократилось на 2,6%, и во многом на это повлияло сокращение производства древесины Россией как одним из крупнейших мировых производителей.

В обеспечении мирового потребления необработанной древесины импортные поставки составляют незначительную часть. За 2007–2015 гг. их доля сократилась ещё больше – с 8,1 до 7% от мирового потребления древесины. Исходя из географии стран – крупнейших импортеров необработанной древесины можно сделать вывод, что восточноазиатский и европейский рынки являются главными мировыми рынками древесины, сохраняя в совокупности свою долю на уровне 86–87%.

Европейский рынок хвойной древесины за 2007–2015 гг. сократил долю на 1,3% и объём на 13% от мирового импорта данного вида товара. Это произошло в основном за счёт уменьшения Финляндией объёмов импорта хвойной древесины после повышения Россией экспортных тарифов на необработанную древесину. Также своё влияние оказал мировой финансово-экономический кризис. Рынок хвойной древесины США также снизил объём импорта данного товара на 5,6%, нарастив при этом немного свою долю (на 2,3%), главным образом за счёт китайских импортеров. Импорт лиственной древесины снизился в объёме на 13%, причём наибольшее падение – на четверть – произошло на европейском рынке.

Для Дальнего Востока России наиболее важным рынком является рынок США. Поэтому остановимся более подробно на нём. Сравнение проводилось по двум временным точкам (2007 и 2015 гг.), выбор которых был обусловлен тем, что к середине 2000-х гг. на рынке США сложилась устойчивая система регионов, увязанная по спросу на древесину и возможностям его удовлетворения [5]. Узловыми в этой системе выступали три страны-импортера: Китай, Япония и Республика Корея. На них были ориентированы регионы-поставщики: восточные регионы России и страны Юго-Восточной Азии, которые в значительной степени определяли ситуацию на лесных рынках США. Возникают вопросы: как изменилась ситуация на рынке США после ужесточения лесоэкспортной политики в России в 2007 г., оказавшей влияние не только на отечественных экспортёров, но и на конфигурацию внешних рынков? какова стала доля российского и дальневосточного лесного комплекса на рынке США?

Сравнивая 2007 и 2015 гг., можно отметить общую тенденцию роста рынка США по основным видам продукции, несмотря на неустойчивость рынка в 2008–2013 гг. из-за мирового финансового кризиса (*табл. 2*).

Таблица 2

Сравнение основных показателей рынка лесопромышленной продукции
Северо-Восточной Азии в 2007 и 2015 гг.

Показатель	Необработанная древесина, млн м ³		Пиломатериалы, млн м ³		Целлюлоза, млн т	
	2007	2015	2007	2015	2007	2015
Потребление	166,8	244,4	59,3	121,5	31,4	43,6
Производство	111,3	192,7	44,2	86,3	17,7	19,5
Импорт	53,3	52,4	27,7	38,1	13,9	22,7

Примечание: в страны США включены КНР, Япония и Республика Корея; показатели Монголии и КНДР не учитывались ввиду их незначительной величины.

Источники: <http://www.fao.org/3/a-i0750m.pdf>; <http://www.fao.org/3/a-i7304m.pdf>

Особенно заметен рост производства пиломатериалов (в 2 раза), которое, тем не менее, было не способно удовлетворить возросшее также в 2 раза потребление, поэтому производство дополнялось импортом, увеличение которого было не столь существенно.

Импорт целлюлозы рос даже более быстрыми темпами, чем её потребление – 1,6 раза и 1,4 раза соответственно. За исследуемый период произошла смена ролей в удовлетворении спроса на целлюлозу между производством и импортом в пользу последнего.

Спрос на необработанную древесину рос медленнее, чем её производство, что явилось причиной сокращения импорта древесины. При этом импорт хвойной древесины немного вырос, спад произошёл по лиственной древесине.

По данным FAO, в целом стоимостной объём импорта лесных товаров (включая основные виды товаров: необработанную древесину, пиломатериалы, листовые древесные материалы, целлюлозно-бумажную продукцию) в страны СВА увеличился за 2007–2015 гг. в 1,4 раза¹.

Китай является главным потребителем и производителем основных видов лесных товаров на рынке СВА (рис. 1).

Рис. 1. Доля Китая в производстве и потреблении основных видов лесопромышленной продукции на рынке СВА в 2007 и 2015 гг., %

Источники: <http://www.fao.org/3/a-i0750m.pdf>; <http://www.fao.org/3/a-i7304m.pdf>

В структуре производства древесного сырья в Китае произошли изменения. Доля плантационной древесины в обеспечении потребностей Китая в древесном сырье существенно выросла, особенно за счёт увеличения плантаций каучукового дерева, используемого в мебельной промышленности [6]. Китай производит тропическую плантационную древесину в промышленных масштабах в провинциях Юннань и Хайнань (4,3 млн м³ ежегодно). В 2014–2015 гг. в деревообрабатывающей отрасли Китая отмечался рост стоимости рабочей силы и производственных издержек, и для сохранения конкурентоспособности и повышения производительности труда было осуществлено техническое перевооружение отрасли. Эти процессы вызвали временный спад объёмов производства пиломатериалов в КНР и, соответственно, некоторое сокращение доли Китая в производстве этой продукции на рынке СВА.

¹ Рассчитано по: <http://www.fao.org/3/a-i0750m.pdf>; <http://www.fao.org/3/a-i7304m.pdf>

Что касается импорта лесопромышленной продукции, то здесь Китай упрочил свои лидерские позиции в целом и по отдельным видам товаров (рис. 2). Особенно заметный рост был по пиломатериалам, где доля КНР увеличилась на 28 процентных пунктов.

Рис. 2. Доли КНР, Японии и Республики Корея в импорте основных видов лесопромышленной продукции в США в 2007 и 2015 гг., %

Примечание: позиция «лесные товары» включает в себя стоимостное выражение всех видов лесопромышленной продукции.

Источники: <http://www.fao.org/3/a-i0750m.pdf>; <http://www.fao.org/3/a-i7304m.pdf>

Китай также является крупнейшим импортёром тропической древесины (на него приходилось 59% от общего объёма её импорта в 2015 г. и 63% – в 2016 г.), основными поставщиками которой являются Папуа – Новая Гвинея и Соломоновы острова. Надо сказать, что Китай снизил объёмы импорта тропической древесины в 2015–2016 гг. по сравнению с 2014 г., когда агрессивные меры китайского правительства по стимулированию внутреннего спроса и экспорта способствовали стабилизации китайского рынка продукции деревопереработки и росту спроса на импортируемую древесину [6]. Падение импорта тропической древесины в 2015 и 2016 гг. происходило на фоне общего роста объёмов импорта древесины Китаем, который составил 41,5 млн м³ в 2016 г. (за счёт древесины из бореальных лесов, в том числе из регионов Дальнего Востока).

Япония за эти годы заметно сократила импорт необработанной древесины и пиломатериалов, особенно последних. Произошло падение потребления древесины на 10%, при том, что страна нарастила собственное производство древесины в 1,2 раза. В стране с 2011 г. начала действовать программа содействия увеличению использования отечественной древесины в домостроении с тем, чтобы довести её долю в общем объёме используемой древесины к

2020 г. до 50%. В фанерной промышленности страны постепенно растёт доля сырья из отечественной древесины, получаемой в лесах, которые были посажены в 1950-е – 1960-е гг. и в настоящее время достигли возраста спелости [7]. За 2002–2014 гг. доля отечественного сырья в производстве продукции выросла с 18,8 до 31,2%, было построено 20 новых крупных заводов по производству пиломатериалов и фанеры. При общем падении потребления древесины в Японии тем не менее происходит рост её потребления в строительстве, особенно в связи с подготовкой объектов к Олимпийским играм 2020 г., где древесина применяется в контексте «японской культуры использования дерева».

Республика Корея также нарастила объёмы заготовок древесины, доля которой увеличилась с 25 до 55% от объёма её потребления. При этом потребление древесины снизилось в 2015 г. по сравнению с 2007 г. на 28%. Также произошло сокращение потребления целлюлозы на 10%, что вызвало падение её импорта (так как страна импортирует практически 85% целлюлозы).

Национальный и дальневосточный лесные комплексы на лесном рынке Северо-Восточной Азии

Изменения в импорте лесопромышленной продукции в странах СВА непосредственно повлияли на показатели деятельности российских лесопромышленников, ориентированных на рынок СВА. Но и изменения в таможенном регулировании российского лесного экспорта также повлияли на рынок СВА. Поднятие экспортных пошлин на необработанную древесину в России в 2007–2008 гг. с 6,5 до 25% привело к изменению структуры поставщиков на восточноазиатском лесном рынке в пользу США, Канады и Новой Зеландии [8]. В дальнейшем российское правительство избирательно снизило эти пошлины: в 2012 г. ставки таможенных пошлин на экспорт лесоматериалов некоторых пород были снижены вдвое – до 13% (ель) и 15% (сосна) – в пределах тарифных квот, которые были сравнимы с объёмом российского лесного экспорта. В основном это была уступка странам Евросоюза при вступлении России в ВТО. Избирательное снижение пошлин на отдельные породы, произрастающие в европейской части страны и частично в Сибири, дискриминировало интересы лесоэкспортёров Дальнего Востока, где основной экспортируемой породой является лиственница, ставка по которой осталась на уровне 25%, что создало нестабильные условия в торговле лесопромышленной продукцией. По данным Японской ассоциации импортёров, объём поставок древесины лиственницы в Японию упал за 2007–2013 гг. в 31 раз.

В этот же период начались негативные тенденции, касающиеся снижения цен на лесопромышленную продукцию на внешних рынках, что было связано с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. В 2014 г. произошло некоторое оживление цен, но в 2015 г. среднегодовая цена на необработанную древесину опустилась до уровня цен 2012 г. Эта тенденция была обусловлена общим падением мировых цен на данную продукцию [4]. В СВА ситуация изменилась лишь в 2016 г., когда средние цены на импортируемые пиломатериалы в Китае увеличились на 6%, до 160–180 долларов за кубометр¹.

Сравнение долей России на лесных рынках СВА в 2007 и 2015 гг. (*табл. 3*) позволяет сделать ряд выводов.

1. Россия на мировом рынке лесопромышленной продукции всегда была представлена в основном продукцией с низкой степенью обработки. По мнению А.В. Колесниковой, доля России в мировом производстве лесопромышленной продукции снижается с каждым новым

¹ В 2016 г. Китай увеличил импорт хвойных пиломатериалов на 21% (<http://www.lesprom.com/ru/news/77072/>).

Таблица 3

Доля России в физическом объёме импорта лесопромышленной продукции странами Северо-Восточной Азии в 2007 и 2015 г., %

Товарная группа	КНР		Япония		Республика Корея	
	2007	2015	2007	2015	2007	2015
Необработанная хвойная древесина	90	28	51	9	17	7
Необработанная лиственная древесина	7	17	7	1	2	3
Пиломатериалы хвойные	45	43	18	16	29	24
Пиломатериалы лиственные	6	8	2	1	1	1
Шпон	0	10	0	75	0	13
Целлюлоза	11	7	0	2	2	7
Лесные товары	13	7	6	4	3	4

Источники: <http://www.fao.org/3/a-i7304m.pdf>; <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FT>

технологическим переделом [3]. Эта же тенденция долгое время проявлялась и в структуре экспорта российской лесопромышленной продукции. С поднятием экспортных пошлин ситуация несколько изменилась: на основном рынке (необработанные лесоматериалы хвойных пород), где Россия доминировала долгое время, она потеряла свои позиции, сократив свою долю в Японии почти в 6 раз, в Китае – более чем в 3 раза, в Республике Корея – почти в 2,5 раза. Вытеснившие её конкуренты на всех рынках одни и те же – Новая Зеландия, США, Канада. Новая Зеландия увеличила своё присутствие на рынке Китая в более чем в 5 раз – с 7 до 38%. США и Канада, практически игнорировавшие рынок Китая в 2007 г., после ипотечного кризиса в США, обвалившего спрос на продукцию из древесины в этих странах, развернули свои потоки на рынки Северо-Восточной Азии: доля США составила 15%, Канады – 10%¹.

На рынке древесины лиственных пород СВА произошло увеличение доли России почти в 2,5 раза в Китае, на 1% выросла доля на рынке Республики Корея. Выявились значительное сокращение российской доли в Японии: и без того небольшая доля сократилась в 7 раз. Несмотря на то, что на рынке СВА всегда преобладала тропическая лиственная древесина (основными поставщиками которой являются Папуа – Новой Гвинея, Малайзия, Соломоновы острова), России удалось укрепить свои позиции на самом крупном – китайском – рынке.

2. Сохраняется лидерство России на рынке хвойных пиломатериалов в Китае, несмотря на небольшое сокращение (на 2%). За 2007–2015 гг. вплотную к России приблизилась Канада, увеличив свою долю в 2,3 раза. Канада удерживает своё лидерство на рынке хвойных пиломатериалов Японии, где Россия сохраняет своё присутствие, лишь немного снизив свою долю (на 2% по сравнению с 2007 г.). Доля России на рынке Республики Корея немного сократилась, но остаётся довольно большой.

3. Увеличились российские поставки в Японию продукции деревообработки – шпона, где Россия является безусловным лидером, а также значительно выросла российская доля по шпону в Китае и Республике Корея. Это объясняется тем, что другие страны предпочитают

¹ <http://www.fao.org/3/a-i7304m.pdf>

экспортировать готовый продукт – фанеру, в то время как шпон является полуфабрикатом, который менее выгодно поставлять. К тому же Япония и Китай сами являются крупнейшими производителями фанеры, поэтому конкуренция на этом рынке сильная.

4. Россия снизила свою долю на китайском рынке целлюлозы, при этом увеличила долю в поставках целлюлозы в Республику Корея и Японию. Главными конкурентами России на этих рынках являются Канада, Бразилия, США, Индонезия и Чили.

Лесной комплекс Дальнего Востока играл и играет значимую роль в формировании тенденций продвижения российских лесных товаров на рынках СВА. Экспорт физических объёмов древесины из региона только за 2007–2009 гг. сократился на 45% (рис. 3). Как следствие, за этот период произошёл спад по объёмам производства необработанной древесины – основному виду продукции лесного комплекса Дальнего Востока – на 32%.

Рис. 3. Динамика физического и стоимостного объёмов экспорта продукции лесного комплекса ДФО, % к 2006 г.

Источник: [1].

После 2009 г. произошло дальнейшее существенное сокращение объёмов экспорта дальневосточной необработанной древесины и падение экспортных цен на неё и пиломатериалы, что привело к снижению валютной выручки лесопромышленников региона на 30% за 10 лет [1]. И лишь в 2016 г. ситуация стала улучшаться. Причиной стали именно институциональные изменения, к которым позже присоединилось влияние мирового кризиса. Соответственно, снизились поступления в бюджеты территорий. С этого времени лесной комплекс Дальнего Востока стал скатываться в глубокий кризис. Это негативно отразилось на основных производственно-экономических показателях его деятельности, возникли проблемы с финансированием завершения инвестиционных проектов по созданию деревообрабатывающих производств.

За 2007–2015 гг. произошла ещё большая «привязка» дальневосточного лесного экспорта к Китаю: если в 2007 г. доля последнего составляла 68% в страновой структуре стоимостного объёма экспорта лесопромышленной продукции с Дальнего Востока, то в 2015 г. она увеличилась до 81% (рис. 4). Соответствующие показатели для Японии составили 24% и 11%, причём произошло это не по инициативе японской стороны, а из-за непродуманной российской лесоэкспортной политики.

Рис. 4. Страновая структура стоимостного объёма экспорта лесопромышленной продукции с Дальнего Востока, %

Источник: рассчитано по данным Дальневосточного таможенного управления ФТС России (<http://dvtu.customs.ru/index.php>).

Лесопользование на Дальнем Востоке всегда было сосредоточено в его южной части. Из-за тесной привязки к внешним рынкам произошло сосредоточение лесопромышленного производства в приграничных территориях с развитыми транспортными путями и налаженными торговыми связями. В прошедшее десятилетие в территориальной структуре лесного экспорта Дальнего Востока ведущими игроками были одни и те же – Хабаровский и Приморский края (*табл. 4*).

Таблица 4

Территориальная структура стоимостного объёма экспорта лесопромышленной продукции с Дальнего Востока, %

Территория	2007	2010	2015
Республика Саха (Якутия)	0,4	0	0,2
Камчатский край	0	0	0
Приморский край	26,2	33,5	41,1
Хабаровский край	63,3	57,6	53,1
Амурская область	7,8	8	3,7
Магаданская область	0	0	0
Сахалинская область	1,3	0,1	0,3
Еврейская автономная область	1,1	0,8	1,6
Чукотский автономный округ	0	0	0
ДФО	100	100	100

Источники: статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2008 и 2016 гг.

При доминирующей роли Хабаровского края его доля к 2015 г. уменьшилась, а Приморского края – увеличилась в 1,5 раза, что обусловлено сильным сокращением в Хабаровском крае объёмов заготовки древесины.

Заключение

За рассматриваемый период, несмотря на мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., мировые лесные рынки сохранили и даже нарастили объёмы потребления лесопромышленной продукции. Это произошло в основном за счёт рынка СВА, который (вместе с европейским рынком) остаётся лидером в торговле лесопромышленной продукцией. На лесном рынке Северо-Восточной Азии основным потребителем все эти годы является Китай, динамика показателей потребления, производства и импорта лесопромышленной продукции которого оказывает влияние на тенденции мирового лесного рынка в целом.

Стала более тесной «привязка» России к рынку Северо-Восточной Азии, а именно к Китаю. Положение России на рынке хвойной древесины в СВА, где она долгое время доминировала, ухудшилось из-за ужесточения собственной лесоэкспортной политики. Несмотря на то, что Россия сохранила лидерство на рынке хвойных пиломатериалов Китая, доля её сократилась. Ухудшились позиции России по этому показателю в Японии и Республике Корея. Это свидетельствует о неэффективности новаций в таможенном регулировании, поскольку основная цель – изменение товарной структуры в лесном экспорте – была достигнута не за счёт наращивания доли продукции деревопереработки, а за счёт сокращения доли необработанного сырья.

Лесной комплекс Дальнего Востока ещё больше стал зависимым от спроса на лесопромышленную продукцию в Китае. Такое положение объективно является неустойчивым: производитель несвободен в выборе, если он не сам создаёт спрос. Поскольку объём спроса на лесных рынках СВА контролируется в основном Китаем, то есть имеет место монополия, последний, соответственно, может контролировать и объём предложения, привлекая лесоэкспортёров из разных стран. Что и произошло за прошедшее десятилетие. Мировой рынок, испытав некоторые сложности с поставками древесины из-за ужесточения Россией таможенного режима экспорта необработанной древесины, быстро переориентировался на поставщиков сырья из других стран. А дальневосточный лесной комплекс, потеряв устойчивый рынок сбыта для необработанной древесины и не сумев заменить её продукцией переработки, попал в кризисную ситуацию, которая усугубилась падением цен на лесопромышленную продукцию на китайском рынке при росте внутренних издержек её производства. В общем-то, это можно было предвидеть. Почти 10 лет назад мы писали [2], что для такой пространственно разнородной страны, как Россия, необходима гибкая и дифференцированная лесоэкспортная политика, учитывающая географические условия разных регионов России, наличие перерабатывающих мощностей, инвестиционные возможности для их быстрого создания и выхода на внешний рынок с новой продукцией. Исходя из современной российской практики таможенного регулирования, следует добавить, что дифференциация лесоэкспортной политики не должна носить дискриминационный характер по отношению к лесоэкспортёрам из разных регионов, а должна обеспечивать равные конкурентные преимущества субъектам внешне-торговой деятельности.

Список литературы

1. Антонова Н.Е., Волков Л.В., Сухомиров Г.И. Биоресурсный сектор Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 110–137. DOI: 10.14530/se.2017.2.110-137
2. Антонова Н.Е., Ланкин А.С. Лесной комплекс российского Дальнего Востока: влияние внешних рынков и внутренней политики // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 26–50.
3. Колесникова А.В. Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // ЭКО. 2013. № 11. С. 5–25.

4. Федичкина Е.А., Ланкин А.С. Анализ экспорта древесной продукции с Дальнего Востока России в 2015 г. Владивосток: Апельсин, 2016. 48 с.
5. Шейнгауз А.С. Лесной сектор Дальнего Востока России и Восточная Азия: сложившиеся и возможные перспективы развития // Дальневосточный международный экономический форум. Т. 5. Лесная отрасль Востока России. Проблемы, задачи, перспективы: мат. круглых столов. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанск. гос. ун-та, 2006. С. 171–177.
6. International Tropical Timber Organization. Biennial Review and Assessment of the World Timber Situation 2015–2016. URL: http://www.itto.int/direct/topics/topics_pdf_download/topics_id=5194&no=1 (дата обращения: 19.11.2017).
7. Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. FY2015 Annual Report on Forest and Forestry in Japan (Summary). URL: <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-38.pdf> (дата обращения: 19.11.2017).
8. Robbins A., Perez-Garcia J. Impacts of Illegal Logging Restrictions on China's Non-Coniferous Forest Products Trade. URL: <http://www.cintrafor.org/publications/newsletter/C4news2012summer.pdf> (дата обращения: 19.11.2017).

References

1. Antonova N.E., Volkov L.V., Sukhomirov G.I. Bioresource Sector of the Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2017. No. 2. Pp. 110–137. DOI: 10.14530/se.2017.2.110-137 (In Russian)
2. Antonova N.E., Lankin A.S. The Forest Sector in the Russian Far East: The Influence of Foreign Markets and Internal Policy. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2009. No. 1. Pp. 26–50. (In Russian)
3. Kolesnikova A.V. The Main Problems and Challenges in the Development of Russian Forestry Complex. *EKO [ECO]*. 2013. No. 11. Pp. 5–25. (In Russian)
4. Fedichkina E.A., Lankin A.S. *Analysis of Exports of Wood Products from the Russian Far East in 2015*. Vladivostok, 2016. 48 p. (In Russian)
5. Sheyngauz A.S. Forest Sector of the Far East of Russia and East Asia: Formed and Possible Prospects for Development. In: *Far Eastern International Economic Forum. Vol. 5. Forest Industry of the East of Russia. Problems, Tasks, Prospects: Proceedings of Round Tables*. Khabarovsk, 2006. Pp. 171–177. (In Russian)
6. International Tropical Timber Organization. *Biennial Review and Assessment of the World Timber Situation 2015–2016*. Available at: http://www.itto.int/direct/topics/topics_pdf_download/topics_id=5194&no=1 (accessed 19 November 2017).
7. Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. *FY2015 Annual Report on Forest and Forestry in Japan (Summary)*. Available at: <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-38.pdf> (accessed 19 November 2017).
8. Robbins A., Perez-Garcia J. *Impacts of Illegal Logging Restrictions on China's Non-Coniferous Forest Products Trade*. Available at: <http://www.cintrafor.org/publications/newsletter/C4news2012summer.pdf> (accessed 19 November 2017).

■ ■ ■
Для цитирования:

Антонова Н.Е. Влияние внешних рынков на лесной комплекс российского Дальнего Востока: современные тенденции // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 17–27. DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

For citing:

Antonova N.E. Influence of Foreign Markets on the Forest Complex of Russian Far East: Current Trends. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 17–27. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

■ ■ ■

**НАЙДЕН
Светлана
Николаевна**

Доктор экономических наук,
профессор РАН, главный
научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**NAIDEN
Svetlana
Nikolaevna**

Doctor of economics, professor
of RAS, chief researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

nayden@ecrin.ru

© Найден С.Н., 2017

332.1 + 316.4 (571.6)

**СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ
ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ**

В статье рассматриваются социальные эффекты от реализации инвестиционных проектов в регионах Дальнего Востока. На примере проектов по строительству газопровода на Камчатке и освоению шельфа на Сахалине проиллюстрировано их влияние на региональные рынки труда и подготовку профессиональных кадров.

Инвестиционные проекты, социальные эффекты, Дальний Восток России

**SOCIAL EFFECTS FROM IMPLEMENTATION
OF INVESTMENT PROJECTS**

The social effects from implementation of investment projects in regions of Russian Far East are considered in article. Their influence on regional labor markets and training of professional staff is illustrated on the example of the projects of the gas pipeline construction on Kamchatka and of the development of the shelf on Sakhalin.

Investment projects, social effects, Russian Far East

Пристальное внимание со стороны федеральных, региональных и местных властей, учёных и специалистов, а также представителей средств массовой информации к процессу создания территорий опережающего развития¹ на Дальнем Востоке формирует в общественном сознании завышенные ожидания как с точки зрения имеющегося потенциала, так и относительно будущих социальных эффектов [4]. С одной стороны, сами по себе инвестиционные проекты на стадии реализации предъявляют спрос на трудовые ресурсы, с которыми на Дальнем Востоке наблюдается устойчивый дефицит, что связано с особенностями организации рынка труда в макрорегионе, обусловленное его географическим положением, тенденциями и масштабами демографического, социального и экономического развития [9; 10]. С другой стороны, предполагается, что в случае успешной реализации инвестиционных проектов возникнет синергетический эффект в виде повышения уровня и качества жизни в районе новой экономики, который будет способствовать привлечению дополнительных трудовых ресурсов и приращению населения.

Анализ социально-экономической ситуации в субъектах ДФО на протяжении 2000–2016 гг. показывает, что принимаемые государством меры и механизмы по накачиванию макрорегиона инвестициями не дают моментальных результатов [1; 2; 3]. Параметры развития экономики далеки от опережающих и отстают по ряду показателей от темпов среднероссийской динамики, а реальный уровень жизни дальневосточников существенно ниже номинальных преимуществ [6; 7].

Так, в случае успешной реализации уже заявленных планов в рамках территорий опережающего развития предполагается создание рабочих мест в количестве 20–35 тысяч, что может обеспечить работой не более 0,5% численности населения Дальнего Востока. Если же на эти места будут привлечены трудовые ресурсы из-за пределов макрорегиона, это сможет компенсировать миграционные потери населения только одного года. Следует помнить, что речь идёт о вакансиях, значительная часть которых требует от претендентов наличия определённых профессиональных навыков и квалификации. Если часть необходимых специалистов предполагается изыскать на рынках труда среди дальневосточников, например, для использования в сфере сельского хозяйства и агропромышленной переработки, то для промышленных объектов, включая газопереработку и нефтехимию, квалифицированные кадры необходимо привлекать, одновременно организуя их подготовку на местах. Подобный опыт имеется в наличии.

Например, при реализации проекта строительства газопровода на Камчатке (Соболево – Петропавловск-Камчатский)², стоимость которого оценивалась в 42–45 млрд рублей, основной контингент строителей для прокладки газопровода привлекался из-за границы (Чехия, Украина, Белоруссия) и из западных регионов страны (Санкт-Петербург, Пермская и Томская области), поскольку собственных специалистов требуемых специальностей и квалификации на полуострове просто не было. Жители Соболевского района, где возводились буровые установки и перекачивающие станции, использовались в основном на низкоквалифицированных работах или как обслуживающий персонал.

За 10 лет (с 2000 по 2010 гг.), пока шла стройка, все попытки наладить в Камчатском крае на базе местного технологического техникума выпуск специалистов хотя бы первого звена – операторов и техников – сталкивались с вполне объективными проблемами, главная из которых – отсутствие соответствующего профессорско-преподавательского состава и ла-

¹ Федеральный закон № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»; <http://www.eastrussia.ru/project/territorii-operezhayushchego-razvitiya/>

² <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/kamchatka/>

бораторно-производственной базы. Частично её попытались решить за счёт привлечения к учебному процессу специалистов-практиков, работавших на строительстве и обслуживании газопровода, имевших высшее профильное образование и опыт работы по инженерным специальностям, необходимую квалификацию и специализацию. И это дало определённый результат. Но возникла проблема с прохождением производственной практики на объектах, теперь уже газодобычи, где студентам для приобретения первых профессиональных навыков необходимо иметь соответствующий технический допуск, выдаваемый только с 18 лет – возраста, которого большинство студентов достигает лишь к моменту или после окончания среднего специального учебного заведения. При этом кадровая политика предприятий системы «Газпрома» нацелена не на средний специальный, а на высший уровень образования своих работников. Этой организацией определён перечень вузов, дипломы которых (во всяком случае, по техническим специальностям) имеют приоритет и приветствуются при трудоустройстве в компании¹. Ни одно из учебных заведений Камчатки в этом списке так и не появилось.

После того, как газопровод был построен, временное жильё (щитовые и прочие сборные домики и вагончики), в котором проживали строители и наладчики, разобрали. Строители-контрактники, обладающие специфической квалификацией по прокладке газопроводов, выехали с полуострова к объектам нового строительства.

В настоящее время обслуживание газопровода и перекачивающих станций в силу технологии этого процесса осуществляется вахтовым способом с привлечением минимально необходимого контингента работников. Основной состав инженеров и специалистов среднего звена – это высококвалифицированные, опытные профессионалы, приехавшие из центральной части России. Многие живут и работают в вахтовом режиме уже по 5–6 лет, но семьи свои на полуостров не перевозят и не планируют этого делать. Большинство из них данная работа не рассматривается как постоянная. Для них это просто очередной пункт работы в системе «Газпрома», где происходит традиционная ротация кадров в географическом пространстве страны. Они, так же как и рыбаки, уходящие на путину в море, оставляют свои семьи на «берегу» – в местах постоянного проживания. Чаще всего это западные и южные регионы страны, где условия жизни значительно комфортнее дальневосточных. Местное население Камчатки в районе добычи газа так и используется на подсобных работах или в сфере услуг, масштабы которых существенно не увеличились.

Численность постоянного населения в Соболевском районе, где расположены газодобывающие мощности, не только не увеличилась, а, наоборот, продолжает снижаться. С 2002 г. (по данным переписи населения) количество жителей района сократилось на 24% и

¹ «Программой инновационного развития ПАО «Газпром» до 2020 года определены 9 российских вузов, выбранных компанией в качестве опорных и 2 образовательных учреждения среднего профессионального образования. При выборе учитывались такие показатели, как соответствие направлений вузовских исследований технологическим приоритетам компании, результативность научно-инновационной деятельности, конкурентные преимущества в образовательной сфере, уровень международного признания и финансовая устойчивость» (<http://www.gazprom.ru/careers/education/>). В разделе «Образование» указаны Казанский национальный исследовательский технологический университет, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Томский политехнический университет и Ухтинский государственный технический университет. В настоящее время в состав «Газпрома» входят два образовательных учреждения среднего профессионального образования: Волгоградский колледж газа и нефти и Новоуренгойский техникум газовой промышленности.

составило на 1 января 2017 г. всего 2 459 человек¹.

Существенного влияния на расширение рынка труда и социальной инфраструктуры на полуострове стройка и новый промышленный объект практически не оказали. После того, как «Газпром» и его дочерние организации провели реорганизацию акционерного общества «Камчатгазпром» и существенно оптимизировали численность его специалистов, значительная часть топ-менеджеров предприятия и работников высшей квалификации выехала за пределы полуострова в поисках адекватного места работы и привычной для них высокой оплаты труда.

Опыт реализации проектов освоения шельфа также имеет неоднозначное значение и для развития Сахалинской области. Проекты инициировали значительный приток инвестиций и рост выпуска продукции в соответствующих отраслях, однако имели чрезвычайно автономный характер. Хозяйственный комплекс Сахалинской области участвовал в реализации этих проектов в пределах узкого сегмента услуг. Основные подряды (85%) на создание трубопроводных мощностей, буровых установок, нефтедобывающих платформ, мощностей по сжижению газа, нефтеналивных терминалов и другой высокотехнологичной продукции получили иностранные компании, а хозяйственный комплекс области был занят лишь в отдельных подрядах, в основном строительного характера [8, с. 805].

Когда закончилась активная фаза вложений в проекты, снизилась и трудоёмкость. На стадии эксплуатации численность занятых стала в 30 меньше, чем на стадии капитальных вложений. Социальный эффект в виде импульса по развитию образования оказался значительно слабее ожидаемого: «Система высшего и среднего образования Сахалинской области не соответствует потребностям существующих и перспективных отраслей её экономики. Образовательные учреждения не ориентированы на подготовку специалистов инженерно-технического профиля и рабочих профессий для наиболее важных отраслей экономики области. Это связано с острым дефицитом высококвалифицированных педагогических кадров, критическим по ряду предметов и специальностей, и отсутствием соответствующей учебно-технической и учебно-методической базы» [8, с. 806].

После завершения строительных, монтажных и пуско-наладочных работ основной контингент строителей и специалистов с острова выехал. Значительная часть работников, обслуживающих нефтегазопроводы и предприятия газоперерабатывающего комплекса, и сегодня рассматривает своё трудоустройство как временное, планируя по завершению контрактов, в том числе и в случае выхода на пенсию, покинуть остров. Реализация крупных нефтегазовых проектов долгое время оказывала слабое влияние на развитие социальной инфраструктуры и повышение качества жизни населения острова. Только с 2011 г. в областной бюджет стали поступать дополнительные налоговые отчисления от предприятий отрасли и стали расти расходы на социальную сферу. Тем не менее, в области сохраняется дефицит мест в детских садах (только 75% детей охвачены дошкольным воспитанием), показатель удельного веса школьников, занимающихся во вторую смену, остаётся один из самых высоких среди дальневосточных субъектов РФ (22,5% от общей численности учащихся), показатель обеспеченности врачами – один из самых низких в макрорегионе (49,2 специалиста на 10 тыс. жителей), наконец, в наличии самая низкая мощность амбулаторно-поликлинических учреждений (245,3 посещений на 10 тыс. чел.) [5].

Таким образом, небольшой экскурс в существующий опыт реализации инвестиционных проектов показывает, что их влияние на параметры развития социальной среды региона при-

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar).

сутствия неоднозначны. Социальный эффект в значительной степени носит локальный характер, его влияние на расширение рынка труда в конкретном регионе зависит от фазы реализации проекта, но развитие социальной инфраструктуры, как правило, остаётся за рамками интересов коммерческого инвестора. В конечном счёте, в момент реализации инвестиционного проекта именно регион принимает на себя повышенные обязательства по обеспечению социальными благами и услугами дополнительно прибывающих работников, что усиливает социальную нагрузку на имеющуюся инфраструктуру и региональные бюджеты. Возможные социальные эффекты, как правило, «откладываются» на будущее. Остаётся вопрос: когда и в какой мере их можно ожидать?

Список литературы

1. Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77.
2. Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 7–11. DOI: 10.14530/se.2015.2.007-011
3. Минакир П.А. О стратегиях роста российской экономики // Пространственная экономика. 2016. № 2. С. 158–167. DOI: 10.14530/se.2016.2.158-167
4. Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4. С. 5–26.
5. Найден С.Н., Грицко М.А. Реакция региональной социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 6–22. DOI: 10.14530/reg.2016.6
6. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в ДФО в 2016 г. // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 138–173. DOI: 10.14530/se.2017.2.138-173
7. Прокапало О.М., Найден С.Н., Мотрич Е.Л., Бардаль А.Б. Российский Дальний Восток: экономические тренды. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 66 с.
8. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
9. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
10. Motrich E.L., Naiden S.N. Migration Processes in the Socioeconomic Development of the Far East // Studies on Russian Economic Development. 2015. Vol. 26. № 5. Pp. 491–498. DOI: 10.1134/S1075700715050093

References

1. Isaev A.G. The Territories of Accelerated Development: New Instrument of Regional Economic Policy. *EKO [ECO]*. 2017. No. 4. Pp. 61–77. (In Russian)
2. Minakir P.A. New Eastern Policy and Economic Realities. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2015. No. 2. Pp. 7–11. DOI: 10.14530/se.2015.2.007-011 (In Russian)
3. Minakir P.A. New On the Growth Strategies of the Russian Economy. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2016. No. 2. Pp. 158–167. DOI: 10.14530/se.2016.2.158-167 (In Russian)
4. Minakir P.A., Prokapalo O.M. The Russian Far East: Economic Phobias and Geopolitical Ambitions. *EKO [ECO]*. 2017. No. 4. Pp. 5–26. (In Russian)
5. Naiden S.N., Gritsko M.A. Reaction of Regional Social System on Institutional and Investment Shocks. *Regionalistika [Regionalistics]*. 2016. Vol. 3. No. 6. Pp. 6–22. DOI: 10.14530/reg.2016.6 (In Russian)
6. Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G. Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2016. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2017. No. 2. Pp. 138–173. DOI: 10.14530/se.2017.2.138-173

se.2017.2.138-173 (In Russian)

7. Prokapalo O.M., Naiden S.N., Motrich E.L., Bardal A.B. *Russian Far East: Economic Trends*. Khabarovsk, 2017. 66 p. (In Russian)

8. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (In Russian)

9. *Pacific Russia – 2030: Scenario Forecasting for Regional Development*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2010. 560 p. (In Russian)

10. Motrich E.L., Naiden S.N. Migration Processes in the Socioeconomic Development of the Far East. *Studies on Russian Economic Development*. 2015. Vol. 26. No. 5. Pp. 491–498. DOI: 10.1134/S1075700715050093

Для цитирования:

Найден С.Н. Социальные эффекты от реализации инвестиционных проектов // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 28–33. DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

For citing:

Naiden S.N. Social Effects from Implementation of Investment Projects. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 28–33. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

**ЛЕОНТЬЕВА
Эльвира
Октавьевна**

Доктор социологических
наук, доцент, заведующая
кафедрой

Тихоокеанский
государственный
университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

**LEONTYEVA
Elvira
Oktavyevna**

Doctor of sociology, associate
professor, head of department
Pacific National University,
136 Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

elvira.leontyeva@gmail.com

© Леонтьева Э.О.,
Садловская М.В., 2017

УДК 314.7

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И
МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ
МОЛОДЁЖИ ХАБАРОВСКА**

В статье освещаются результаты социологического исследования, проведённого в марте 2017 г. в Хабаровске. Целью было изучить миграционные настроения в разных молодёжных группах и связать их с возможными ценностными ориентациями. Исследование показало, что наибольшую миграционную активность проявляет учащаяся молодёжь в возрасте от 17 до 22 лет, причём в этой группе настроенных на отъезд девушек вдвое больше, чем юношей. Молодёжь старших возрастных групп в меньшей степени настроена на миграцию. Было также выявлено явное преобладание индивидуальных ценностей над общественными, при этом зависимости между ценностями и миграционным настроением не обнаружены.

*Молодёжь, жизненные ценности, миграция, Дальний
Восток России*

**VALUE ORIENTATIONS AND MIGRATORY
MOODS OF THE Khabarovsk's YOUTH**

The results of a sociological survey carried out in March 2017 in Khabarovsk are highlighted in the article. The aim was to study the migratory moods in different youth groups and to connect them with possible value orientations. The study showed that the greatest migratory activity is shown by young students aged 17 to 22 years; in this group, the girls who are going to migrate are twice as many as the boys. Young people of older age groups are less likely to migrate. It was also revealed a clear predominance of individual values over the public, while the relationship between values and the migration mood was not found.

Youth, life values, migration, Russian Far East

**САДЛОВСКАЯ
Мария****Вячеславовна**

Преподаватель

Тихоокеанский
государственный
университет,ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035**SADLOVSKAYA
Mariya
Vyacheslavovna**

Lecturer

Pacific National University,
136 Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035maria_s_06@mail.ru**Введение**

Изучение жизненных ценностей молодёжи является не только одной из самых популярных тем социальной науки за всё время её существования, но и актуальной управленческой и политической задачей. Жизненные ценности дают нам обобщённое представление о группе и позволяют спроектировать социальный портрет будущих поколений. Именно жизненные ценности определяют мотивацию и формируют жизненные планы. Всё это имеет большое значение для планирования и прогнозирования региональных процессов. Именно поэтому жизненные ценности молодёжи давно стали одной из приоритетных тем, которой посвящено множество исследований.

Чаще всего проблема жизненных ценностей актуализируется как следствие явных и быстротечных перемен в обществе, из-за которых меняется динамика и структура ценностей. В этой логике написано большинство работ, авторы которых выявляют либо общие изменения ценностных координат [1; 2; 3; 11], либо диагностируют изменение роли и места одной из интересующих исследователя ценностей в их общей системе (например, семьи [6; 10], труда, образования [2], здоровья и т.д.). Эти проблемы также достаточно часто рассматриваются на примере молодёжных подгрупп – студенчестве [13], сельской молодёжи [5], учащихся и т.д. Исследования по этой теме не отличаются особым разнообразием методик изучения, так же как и перечнем исследуемых ценностей – все авторы опираются примерно на один и тот же набор.

В отношении дальневосточных территорий в целом и Хабаровска в частности исследование ценностей молодёжи также имеет большое значение в контексте анализа и прогнозирования региональной молодёжной миграции. Риски, связанные с развитием регионов, в значительной степени обусловлены направленностью и интенсивностью миграционных потоков, о чём неоднократно писали дальневосточные учёные. Тема миграции дальневосточников давно стала одной из самых «излюбленных» в макрорегионе, что также отражает её высокую актуальность. Так, в работах Е.Л. Мотрич [7; 8; 9] констатируется высокий уровень миграционного оттока населения из макрорегиона.

Однако в общем массиве данных молодёжь редко выделяется как целевая подгруппа, в большинстве публикаций преобладает констатирующая, а не аналитическая риторика.

При этом именно молодёжь относится к самой мобильной социальной группе, наиболее подверженной миграционным настроениям в силу разных факторов. Благоприятные условия для этого создаёт, например, ЕГЭ, по результа-

там которого школьники могут поступать в вузы дистанционно. Соответственно, первая волна оттока потенциальных кадров из макрорегиона приходится уже на выпускников средних школ. Так, недавние исследования показывают [12, с. 86], что только 9 регионов России (среди которых нет ни одного дальневосточного), имеют положительный баланс между уехавшими в другие регионы выпускниками школ и приехавшими в этот регион на учёбу. Это означает, что уже на этом этапе отток кадров является большой проблемой, ослабляющей экономику регионов и негативно влияющей на состояние трудовых ресурсов.

Эти опасения также подтверждаются дальневосточными учёными. Так, исследование «Миграционный потенциал и механизмы закрепления молодых специалистов в регионе», проведённое осенью 2012 г. в ДВИУ – филиале РАНХиГС группой исследователей под руководством Н.М. Байкова и Ю. В. Березутского, показало, что эта проблема становится ещё более актуальной на следующем этапе жизненного пути молодёжи – выхода из ВУЗа и включения в трудовую деятельность. Почти половина (45,1%) опрошенных студентов считала, что для самореализации следует уехать с Дальнего Востока, треть опрошенных (33,7%) собиралась это сделать в ближайшем будущем, а доля уже уехавших родственников и друзей доходила почти до 60% [4]. Такие цифры не оставляют никаких оснований для оптимистичных оценок будущего территории. Однако общие данные по макрорегиону позволяют сделать крайне приблизительные оценки по конкретным его территориям, на их основании нет возможности проанализировать ценностно-миграционные настроения молодёжи Хабаровска как отдельной социальной группы. Кроме прочего, прошедшие 5 лет с момента упомянутого исследования – достаточно большой период, за который не только изменилась социально-политическая ситуация в мире, но и произошла смена поколений.

Жизненные ценности молодёжи Хабаровска

Для изучения жизненных ценностей и миграционных настроений молодёжи г. Хабаровск в марте 2017 г. был проведён социологический опрос. Для участия в опросе приглашались жители Хабаровска, относящиеся к целевой группе (17–35 лет), случайно оказавшиеся в точках проведения опроса в момент работы анкетёров. Точками опроса послужили наиболее проходные и оживлённые места (магазины, торговые и развлекательные центры, парки и места досуга и пр.) во всех микрорайонах города. Таким образом, рандомизация и репрезентативность выборки была обеспечена за счёт того, что для опроса выбирались места, посетить которые мог каждый житель микрорайона, в котором была организована опросная точка.

В опросе приняло участие 608 жителей Хабаровска возрастом от 17 до 35 лет (44% – мужчины; 56% – женщины)¹. В выборку попала как учащаяся (примерно 55%), так и работающая (45%) молодёжь. Большинство из респондентов-учащихся получало высшее образование (43%), при этом более 8% из них совмещали работу и учёбу. Получающих среднее профессиональное образование в колледжах и техникумах оказалось 8%; менее 3% были школьниками.

Для изучения жизненных ценностей использовались стандартные методики с комбинацией полужакрытых вопросов о ближайших и перспективных планах, о жизненных приоритетах, увлечениях и наиболее острых проблемах, которые волнуют респондентов. Как уже отмечалось выше, понятие «ценности» является очень широкой категорией, которая по-разному операционализируется исследователями и изучается с помощью разных инструмен-

¹ Некоторое преобладание респондентов женского пола объясняется тем, что женщины чаще соглашались принять участие в опросе.

тов. Чаще всего респонденты молодого возраста не рефлексировали относительно своих ценностных установок, последние имплицитно представлены в их планах, мотивах, целях. Именно поэтому большинство вопросов нашего исследования в той части, которая была посвящена изучению ценностей, имело косвенный характер, и только один вопрос (о приоритетах) был прямым. Обратимся в первую очередь к нему.

Респондентам предлагалось расставить 9 базовых ценностей по порядку, начиная с самого важного для себя. Предлагались следующие ценности: карьера (работа); семья (любовь, дети); материальный достаток; дружба; патриотизм; здоровье; общественное благо; личностный (духовный) рост; учёба (образование). Полученные результаты представлены в сводной **таблице 1**.

Таблица 1

Ценностные приоритеты молодёжи, % от числа опрошенных

Ценности	Порядок приоритетности ценностей									Нет ответа
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Карьера (работа)	17,6	29,3	13,7	11,3	8,7	6,6	5,1	2,6	1,8	3,3
Семья (любовь, дети)	41,3	16	12,8	10,4	6,3	2,8	2,3	1,5	3,5	3,3
Материальный достаток	10	15	16,9	18,9	14,1	9,2	6,7	3	2,5	3,6
Дружба	3,6	9,4	9,5	11,7	11,8	18,4	15,1	9,7	7,2	3,5
Патриотизм	2	2,3	3,8	3,1	4,9	7,9	12,5	23,2	36,4	3,8
Здоровье	8,4	9,5	11,8	11,2	13,7	13,2	8,9	8,1	12	3,3
Общественное благо	1	3,3	4,6	5,8	6,1	8,7	20,2	29,9	17,1	3,3
Личностный (духовный) рост	8,6	8,7	9,7	9,2	16,8	14,3	13,7	8,6	7,1	3,5
Учёба (образование)	16,8	11,7	18,3	12,5	9,9	11,3	7,1	5,1	4,1	3,3

Ответы на рассматриваемый вопрос чётко указывают на самые приоритетные ценности – это «Семья (любовь, дети)» и «Карьера (работа)». Таким образом, хабаровская молодёжь, так же как и россияне в целом [6; 10], ориентирована на семейные и профессиональные ценности, причём с большим разрывом от следующей группы ценностей, занимающих позиции с 3-й по 7-ю.

В этом диапазоне ответы показали незначительный разброс. Например, близкие значения имели ценности «учёба (образование)» и «материальный достаток (18,3% и 18,9% соответственно). Недалеко от них – «личностный (духовный)» рост (16,8%). При таком незначительном разбросе важны те значения, которые имели данные ценности на более высоких по-

зиях приоритетности. Так, оценивая значимость «материального достатка», следует обратить внимание не только на то, что больше респондентов (18,9%) поставили эту ценность на 4-ю позицию, но также и то, что 10% считали её первой, 15% – второй, а ещё 16,9% – третьей. То есть суммарно почти 42% респондентов поставили её выше, чем на 4-ю позицию. Между тем по ценности «учёба (образование)» таких респондентов набралось 28,5%. Это значит, что при похожих значениях этих двух переменных, несомненно, более высокие позиции имеет ценность «материальный достаток», которой следует отдать 3-ю позицию. На 4-м условном месте, соответственно, идёт ценность «учёба (образование)».

Аналогичные спорные значения по 5-й – 7-й позициям имели ценности «здоровье», «дружба» и «личностный рост». На первый взгляд, в этой тройке лидирующие позиции имел «личностный рост», набравший по 5-й строке 16,8%. Однако суммарные значения ценности «здоровье» по более высоким позициям позволили нам посчитать ценности «здоровье» и «личностный рост» равнозначными и поставить их вместе на 5-ю позицию. Ценность «дружба», соответственно, заняла 6-ю строку.

Наиболее низкие значения по шкале приоритета получили ценности «общественное благо» и «патриотизм», замыкающие список (7-е и 8-е места). Для 60% молодых хабаровчан патриотизм, по сути, не являлся ценностью, а для 47% – общественное благо. Дополнительная проверка соответствующих подгрупп показала, что они значительно пересекаются.

Таким образом, ответы на вопрос о ценностных приоритетах показали абсолютное преобладание личностных ценностей над общественными. Из личностных ценностей первую по приоритетности группу составили семейные и профессиональные ценности и материальный достаток. Ко второй можно отнести ценности образования и учёбы, личностного роста, здоровья и дружбы. Общественное благо и патриотизм попали в последнюю группу.

Ответы на вопросы о ценностях, заданные в косвенной форме, подтвердили «расклад» по приоритетам. Например, как ближайшие, так и перспективные планы молодёжь связывает с теми же ценностями, которые попали в первую группу – работой, учёбой, семьёй, приобретением жилья. Для 44% опрошенных наиболее актуальные планы на ближайший год были связаны с работой: получить продвижение, найти либо сменить работу. В перспективных планах (на 5–10 лет) профессиональные и карьерные планы также занимали лидирующие позиции: 38,4% настроены на то, чтобы стать профессионалом, и ещё 10,8% планировали найти или сменить работу. В ответах на эти вопросы ориентация на профессиональные ценности являлась более значимой, чем на семейные. Однако устройство личной жизни и заведение семьи также занимали существенное место в планах молодёжи. Если в ближайший год с этим связывали свои планы 17,5% опрошенных, то уже на 5–10-летнюю перспективу завести семью планировали 28,1%.

Анализ ценностей в зависимости от возраста по таблицам сопряжённости не показал существенных различий в их значимости для разных возрастных групп. Были обнаружены только небольшие нюансы. Например, оказалось, что с повышением возраста опрошенных значимость семейных ценностей возрастает (*табл. 2*). Если в группе 17–20-летних на 1-е место семью поставили 67 человек (34,7%), то среди тех, кому 31–35 лет, отдающих предпочтение семье оказалось уже 54,1%.

Вместе с тем с повышением возраста снижается ценность учёбы и образования. Так, если в двух первых группах (17–20 лет и 21–25 лет) она занимала 1-е место, то в более старших возрастных группах её позиции приблизились к 3-й – 4-й строчкам ценностного списка.

Что касается остальных ценностей, не было выявлено никаких особенностей в их значимости для разных возрастных групп.

Таблица 2

Ценность «Семья, любовь, дети» по возрастным группам, человек

Порядок приоритетности ценностей	Возрастные группы				Итого
	17–20 лет	21–25 лет	26–30 лет	31–35 лет	
1	67	77	67	39	250
2	40	40	9	8	97
3	31	39	4	4	78
4	23	20	13	7	63
5	16	10	6	6	38
6	4	7	4	2	17
7	5	7	1	1	14
8	2	6	1	0	9
9	5	8	3	5	21
Итого	193	214	108	72	587

Миграционные настроения хабаровской молодёжи

Для изучения миграционных настроений также были использованы прямые и косвенные вопросы. Из прямых использовался вопрос-фильтр «Планируете ли Вы уезжать из Хабаровска?», а также вопросы о причине и направлении отъезда для респондентов, утвердительно ответивших на вышеуказанный вопрос-фильтр. Для дополнительной проверки миграционных настроений в варианты ответов о ближайших и перспективных планах были включены «уехать из страны» и «уехать из города».

44% молодёжи оказались ориентированы на отъезд из города, причём 13% из них – в ближайшее время. Вместе с тем у 49,9% не обнаружилось такого желания, причём 32% из них совершенно точно не планировали отъезд.

Распределение соответствующих ответов по возрастным группам представлено в **таблице 3**. Доля тех, кто принял решение об отъезде в ближайшее время, по возрастным группам существенно не отличается – от 11% до 15%. Также не сильно выражен разброс среди тех, кто скорее всего не уедет – от 12% до 19%, причём эта подгруппа хоть и немного, но больше по численности, чем первая. Доля тех, кто планирует уезжать, заметно уменьшается с возрастом и, напротив, доля тех, кто точно не уедет, с возрастом увеличивается почти вдвое. Это значит, что к группе риска (с наиболее сильными настроениями на отъезд) следует отнести молодёжь 17–20 лет, среди которых более 42% настроены на отъезд в ближайшем будущем. Через несколько лет, достигнув возраста следующей возрастной подгруппы, они могут реализовать свои сегодняшние намерения. Это подтверждается тем, что показатель настроенности на отъезд в ближайшее время наиболее высок именно в возрастной подгруппе от 21 года до 25 лет. Таким образом, и в этой возрастной подгруппе миграционные намерения достаточно серьёзны, причём, по сравнению с самой молодой подгруппой, выражены больше в деятельной, чем проективной форме.

Таблица 3

Миграционные намерения молодёжи по возрастным группам, % от числа опрошенных

Варианты ответа на вопрос «Планируете ли Вы уезжать из Хабаровска?»	Возрастные группы				В целом по выборке
	17–20 лет	21–25 лет	26–30 лет	31–35 лет	
Да, в ближайшее время	11,9	15,4	11	13,5	13,1
Да, в будущем	42,6	28	26,6	17,6	31,3
Хотел(а) бы, но нет возможности	3	8	4,6	8,1	5,7
Скорее всего нет	17,3	19,6	17,4	12,2	17,7
Точно нет	25,2	29	40,4	48,6	32,2

Отметим, что 17–20-летние – это подгруппа, состоящая практически полностью (на 92,3%) из учащейся молодёжи, а вторая подгруппа (21–25 лет) – наполовину учащаяся, наполовину работающая. Вместе с тем в двух старших подгруппах учащихся практически нет. Всё это подтверждает, что именно учащаяся молодёжь является наиболее мобильной. И таблица сопряжения по этой группе с возрастом респондентов подтверждает сказанное выше: 76% настроенных на отъезд в ближайшее время или в будущем – это молодёжь в возрасте до 25 лет.

По своим миграционным настроениям опрошенные могут быть разделены на 3 группы:

- «отъезжающие» (те, кто высказал желание в ближайшее время или в будущем покинуть город);
- «остающиеся» (те, кто отказался от отъезда);
- «сомневающиеся» (те, кто хотел бы уехать, но не имеет возможности).

Соотношение между этими группами – примерно 45:50:5. Однако с учётом того, что «сомневающиеся» больше склонны к тому чтобы поддержать первую группу (хотели бы уехать при возможности), две основные группы можно считать практически равнозначными.

Проанализируем и сравним между собой группы «отъезжающих» и «остающихся». Распределение «отъезжающих» и «остающихся» по районам города (табл. 4) показывает, что численность жителей, собирающихся уехать или остаться, практически одинакова по всем районам и не зависит от места жительства.

Не выявлено никакой связи между количеством лет, прожитых респондентом в городе и настроенностью на отъезд. Среди «отъезжающих» примерно поровну тех, кто родился в Хабаровске или приехал в детстве, и тех, кто переехал в город недавно. Также нельзя сказать, что «отъезжающие» испытывают при этом явную неприязнь к городу: 62,5% из них как раз относятся к числу тех, кому город нравится.

Рассмотрим половозрастное распределение в группе «отъезжающих» (табл. 5). Полученные данные не только подтверждают выводы о том, что наиболее склонна к миграции молодёжь возраста 17–25 лет, но и показывают, что большую её часть составляют девушки. При этом значительное преобладание девушек отмечается в группе 17–20-летних: среди них настроенных на отъезд из города девушек в два с лишним раза больше, чем юношей, хотя уже в следующей возрастной группе их количество становится практически одинаковым.

Таблица 4

Респонденты, выразившие желание уехать из города в ближайшее время или в будущем по районам проживания в г. Хабаровске, человек

Район проживания	«Отъезжающие»	«Остающиеся»
Железнодорожный	78	88
Индустриальный	93	102
Кировский и Краснофлотский	67	66
Центральный	19	18
Район проживания не указан	10	25
Всего	267	299

Таблица 5

Распределение «отъезжающих» по полу и возрасту, человек

Пол	Возрастные группы				Итого
	17–20 лет	21–25 лет	26–30 лет	31–35 лет	
Мужской	33	45	23	10	111
Женский	77	48	18	13	156
Итого	110	93	41	23	267

Обратим внимание на причины отъезда, указанные респондентами этой подгруппы при ответе на соответствующий вопрос (табл. 6).

Таблица 6

Причины отъезда молодёжи

Причины	Всего		В том числе по возрастным группам, человек			
	человек	%	17–20 лет	21–25 лет	26–30 лет	31–35 лет
Высокие цены на жильё	122	45,7	40	49	25	8
Высокие цены на продукты и услуги	118	44,2	39	48	23	8
Не нравится климат	132	49,4	49	48	24	11
Трудно найти хорошую работу	63	23,6	27	25	8	3
Нет возможности получить хорошее образование	10	3,7	7	3	0	0
Много родственников в другом регионе	46	17,2	25	11	4	6

Помимо предложенных причин отъезда респондентам была предоставлена возможность указать свой вариант. Было получено 30 собственных вариантов, которые по большей части носили единичный характер, за исключением трёх: «не нравится город» (пять ответов), «учёба» (четыре ответа) и «желание путешествовать» (три ответа).

Согласно данным таблицы 6, существует три главных причины, определяющие миграционный настрой молодёжи: климат и высокие цены на жильё и продукты. Трудности в поиске работы существенно уступают этим причинам, а в отношении образования возможности города вообще не ставятся под сомнение. Отметим также, что некоторая часть хабаровчан находится под влиянием своих родственников, проживающих в других регионах и влияющих на их миграционные планы.

Таким образом, исследование показало, что учащаяся молодёжь (от 17 до 22 лет) имеет самый высокий миграционный настрой. К моменту окончания учёбы, получения работы и начала «взрослой» жизни миграционные риски существенно снижаются. Соответственно, две подгруппы – учащаяся и рабочая молодёжь – имеют противоположные «векторы» миграции. Учащиеся склонны к тому, чтобы продолжать учёбу или начинать новую жизнь после ВУЗа на новом месте, в то время как те, кто определился с работой и уже начал самостоятельную жизнь в Хабаровске, гораздо менее склонны менять место жительства.

В **таблице 7** приведено сравнение причин отъезда для двух подгрупп «отъезжающих» – тех, кто уже принял решение уезжать в ближайшее время, и тех, кто планирует это сделать в будущем. Степень миграционной готовности этих подгрупп разная; возможно, на решение «потенциальных отъезжающих» ещё можно повлиять.

Таблица 7

Причины отъезда по подгруппам «отъезжающих»

Причины	Уезжающие в ближайшее время		Планирующие уехать в будущем	
	человек	%	человек	%
Высокие цены на жильё	44	55,7	78	41,2
Высокие цены на продукты и услуги	39	49,4	79	42
Не нравится климат	33	41,8	99	52,7
Трудно найти хорошую работу	25	31,6	38	20,2
Нет возможности получить хорошее образование	6	7,6	2	2,1
Много родственников в другом регионе	5	6,3	41	21,8
Другие причины	11	14	19	10,1

Как видно, для уезжающих в ближайшее время существенно большее значение имеют трудности с поиском работы и цены на жильё. А для планирующих уехать в будущем более существенным является влияние родственников; среди них также гораздо больше тех, кто не доволен дальневосточным климатом. Анализ по возрастным подгруппам не обнаружил су-

щественной разницы в причинах отъезда.

Выше мы уже упоминали о том, что среди настроенных на отъезд из Хабаровска есть те, кому город нравится. Посмотрим, как связаны эти переменные (*табл. 8*).

Таблица 8

Миграционные настроения в зависимости от отношения к Хабаровску, человек

Варианты ответа на вопрос «Нравится ли Вам город?»	Варианты ответа на вопрос «Планируете ли Вы уезжать из Хабаровска?»					Итого
	Да, в ближайшее время	Да, в будущем	Хотел(а) бы, но нет возможности	Скорее всего нет	Точно нет	
Да, очень	24	41	4	34	115	218
В целом нравится	18	84	18	57	51	228
Так себе	28	51	6	11	18	114
Совершенно не нравится	7	8	4	2	3	24
Не знаю	2	3	1	2	4	12
Итого	79	187	33	106	191	596

Несмотря на то, что большинство тех, кому нравится Хабаровск, не собирается уезжать из него, всё же многие респонденты говорят о своём желании уехать, несмотря на симпатию к городу. Это значит, что миграционные настроения в значительной мере не зависят от того, нравится ли город его жителям.

Какие регионы являются наиболее привлекательными для хабаровчан, решивших уехать, показывает *таблица 9*. Здесь наши данные совпадают с теми, что представлены в работах других исследователей [6; 7; 8].

Крупные столичные центры (Москва и Санкт-Петербург) не теряют своей привлекательности десятки лет, и наше исследование подтвердило, что 35% от числа отъезжающих из города готовы «покорять Москву». Вторым по популярности направлением, также традиционно, остаётся юг России. 12,4% респондентов связывают свои планы с переездом в другие города Сибири и Дальнего Востока. Поскольку среди этой группы в основном была учащаяся молодёжь, а среди привлекательных для жизни мест часто назывался Владивосток, мы полагаем, что это может быть тот контингент, который рассматривает возможность получения или продолжения образования в ДВФУ.

Особое внимание стоит обратить на большой процент тех, кто собирается уезжать за границу. Желających вообще покинуть страну оказалось столько же, сколько желающих уехать в южные регионы России, причём в более младших по возрасту подгруппах количество желающих уехать за границу в долевого выражении в два раза выше, чем в более старших. Это, как мы полагаем, достаточно высокий показатель и потому требующий отдельного внимания исследователей.

Таблица 9

Направления миграции хабаровчан

Направления	Всего		В том числе по возрастным группам, человек			
	человек	%	17–20 лет	21–25 лет	26–30 лет	31–35 лет
В крупные столичные центры (Москва, Санкт-Петербург)	101	35	43	36	15	7
На юг России	64	22,1	17	25	12	10
В другой район Дальнего Востока или Сибири	36	12,4	14	15	4	3
За границу	68	23,5	28	29	7	4
Другое	20	7	11	2	5	2
Итого	289	100	113	107	43	26

Заключение

Согласно результатам опроса, примерно 44% молодых хабаровчан были настроены на отъезд из города, но только 13% собирались это сделать в ближайшее время, остальные – в будущем. Наибольшую миграционную активность проявляла учащаяся молодёжь в возрасте от 17 до 22 лет, среди которых настроенных на отъезд девушек – вдвое больше, чем юношей.

Была выявлена зависимость между возрастом респондентов и их настроенностью на отъезд: чем старше респонденты, тем менее выражены у них миграционные намерения. Особо отметим, что эта зависимость выявлена только для молодёжи возраста 17–35 лет и может не распространяться на другие возрастные когорты. Зависимость же между районом проживания и миграционной настроенностью хабаровской молодёжи не обнаружена. В долевого выражении настроенных на отъезд по всем районам города примерно столько же, как и тех, кто этого не планирует. Также не выявлена связь между отношением к Хабаровску и миграционным настроением: 76% хабаровчан ответили, что им нравится город; большинство из тех, кто собирается уезжать, также относятся к этой группе.

Среди причин отъезда для всех категорий главное – климат и высокие цены на жильё и продукты. Для тех, кто уезжает в ближайшее время, важнее цены на жильё, для планирующих переезд на будущее – климат.

В целом мы склонны полагать, что высокая миграционная готовность молодёжи 17–25 лет не столько обусловлена региональной спецификой, сколько объясняется естественным для соответствующего возраста уровнем мобильности. Во-первых, не выявлено никаких зависимостей между местом проживания, отношением к городу, оценкой социальных институтов и пр. и миграционным настроением респондентов. Во-вторых, в группе самых молодых «отъезжающих» (17–20 лет) преобладали девушки. В-третьих, молодёжь более старших возрастных групп (26–30 лет и 31–35 лет), поддерживая те же самые ценности и решая те же самые проблемы, не выказывала миграционных намерений.

Список литературы

1. Березутский Ю.В. Социальный облик молодёжи: динамика ценностных ориентаций // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 3. С. 137–142.
2. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2000. 519 с.
3. Матюх Е.Т. Жизненные ценности современной молодежи в условиях социального риска // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4.
4. Миграционные процессы в дальневосточном регионе России: опыт комплексного анализа /под ред. Н.М. Байкова. Хабаровск: ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2013. 284 с.
5. Михеев П.А. Динамика жизненных ценностей сельской молодёжи // Социологические исследования, 2005. № 1. С. 91–94.
6. Морозова О.П. Семья и брак в иерархии жизненных ценностей студенческой молодёжи // Социология образования. 2011. № 6. С. 67–73.
7. Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153.
8. Мотрич Е.Л. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: основные тренды и вызовы // Народонаселение. 2016. № 1 (71-1). С. 25–33.
9. Мотрич Е.Л. Миграционные проблемы Хабаровска сквозь призму социологического исследования // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 1. С. 56–64.
10. Мустаева Ф.А. Семья в системе жизненных ценностей современной молодёжи // Социальная политика и социология. 2009. № 8. С. 167–171.
11. Овсянников А.А. Новое поколение: долгая дорога в поисках новых идеалов и смыслов жизни // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 78–97.
12. Питухин Е.А., Семенов А.А. Анализ межрегиональной мобильности выпускников школ при поступлении в высшие учебные заведения // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 3. С. 82–89.
13. Рожкова Л.В. Динамика ценностей и ориентаций студенчества в условиях социокультурной модернизации России // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 2. С. 129–135.

References

1. Berezutskiy Yu.V. Social Image of Youth: The Dynamics of Value Systems. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [The Power and Administration in the East of Russia]. 2013. No. 3. Pp. 137–142. (In Russian)
2. Lisovskiy V.T. *Inner Life and Value Systems of Russian Youth*. S.-Petersburg, 2000. 519 p. (In Russian)
3. Matyukh E.T. Life Values of Modern Youth in Conditions of Social Risks. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2012. No. 4. (In Russian)
4. *Migration Processes in Russian Far East: Experience of Complex Analysis*. Ed. by N.M. Baikov. Khabarovsk, 2013. 284 p. (In Russian)
5. Mikheev P.A. The Dynamics of Values Systems of Rural Youth. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2005. No. 1. Pp. 91–94. (In Russian)
6. Morozova O.P. Family and Marriage in the Hierarchy of Student Youth's Life Values. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education]. 2011. No. 6. Pp. 67–73. (In Russian)
7. Motrich E.L. Far East in Russian Demography: Trends during Reforms. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2017. No. 3. Pp. 133–153. (In Russian)

8. Motrich E.L. Demographic Situation in the Russian Far East: the Key Trends and Challenges. *Narodonaselenie* [The Population]. 2016. No. 1. Pp. 25–33. (In Russian)
9. Motrich E.L. Khabarovsk Migration Problems through the Prism of Sociological Research. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2015. Vol. 2. No. 1. Pp. 56–64. (In Russian)
10. Mustafaeva F.A. Family in the System of Life Values of Modern Youth. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology]. 2009. No. 8. Pp. 167–171. (In Russian)
11. Ovsyannikov A.A. New Generation: Long Road in Search of New Ideals and Meaning of Life. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. 2015. No. 1. Pp. 78–97. (In Russian)
12. Pitoukhin E.A., Semenov A.A. Analysis of Inter-Regional Mobility of School-Leavers Entering to the Universities. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis]. 2011. No. 3. Pp. 82–89 (In Russian)
13. Rozhkova L. V. Dynamics of Students' Values and Orientations in Conditions of Russian Socio-Cultural Modernization. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University]. 2013. No. 2. Pp. 129–135. (In Russian)

Для цитирования:

Леонтьева Э.О., Садловская М.В. Ценностные ориентиры и миграционные настроения молодежи Хабаровска // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 34–46. DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

For citing:

Leontyeva E.O., Sadlovskaya M.V. Value Orientations and Migratory Moods of the Khabarovsk's Youth. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 34–46. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

**ИСАЕВ
Артём
Геннадьевич**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**ISAEV
Artem
Gennadyevich**

Ph.D. in economics,
senior research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

isaev@ecrin.ru

© Исаев А.Г., 2017

УДК 332.053

**ПРОСТАЯ ДВУХСЕКТОРНАЯ ВЫЧИСЛИМАЯ
МОДЕЛЬ ОБЩЕГО РАВНОВЕСИЯ
ЭКОНОМИКИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ:
СПЕЦИФИКАЦИЯ И ЧИСЛЕННОЕ РЕШЕНИЕ**

В статье специфицируется региональная вычислимая модель общего равновесия. Модель является адаптированным вариантом простой двухсекторной модели малой открытой экономики с тремя товарными группами. Адаптация заключается в альтернативном способе замыкания модели, касающемся интерпретации равенства региональных сбережений и инвестиций. На основе данных Федеральной службы государственной статистики за 2013 г. проведена калибровка модели и её численное решение для экономики Хабаровского края. Полученные модельные значения основных макроэкономических параметров Хабаровского края продемонстрировали близкое соответствие фактическим данным.

Общее равновесие, двухсекторная модель, экономика региона, CGE-модель, Хабаровский край

**SIMPLE TWO-SECTOR COMPUTABLE
GENERAL EQUILIBRIUM MODEL OF
KHABAROVSK TERRITORY'S ECONOMY:
SPECIFICATION AND NUMERICAL SOLUTION**

The article specifies a regional computable general equilibrium (CGE) model. The model is an adapted version of a simple two-sector model of a small open economy with three commodity groups (1-2-3 model). Adaptation is in alternative way of model closure concerning the interpretation of the equality of regional savings and investments. Based on the data for 2013, the model was calibrated and numerically solved for the economy of the Khabarovsk Territory. The obtained values of the basic macroeconomic parameters of the Khabarovsk Territory showed a close correspondence to the actual data.

General equilibrium, two-sector model, region's economy, CGE-model, Khabarovsk Territory

Введение

Вычислимые модели общего равновесия (CGE-модели) – набирающий популярность инструмент прикладных экономических исследований, позволяющий количественно оценивать последствия различных аспектов экономической политики. Основанные на взаимодействии между экономическими агентами, эти модели представляют собой систему уравнений, решением которой является установление равновесия на всех рассматриваемых рынках товаров и услуг [4].

В широком понимании CGE-модели берут своё начало из модели «затраты-выпуск», но являются более гибким инструментом анализа, поскольку имеют дело не с фиксированным, а эндогенно генерируемым набором цен [13]. Основная цель применения CGE-моделей состоит в получении количественных оценок трансформации характеристик экономической системы (распределение ресурсов, благосостояние домохозяйств) в результате изменений экзогенных переменных.

Преимуществом CGE-моделей является возможность явным образом отследить механизм, при помощи которого внешние шоки (например, ценовые или спросовые), а также изменения политики влияют на исследуемую экономическую систему. Поскольку после нахождения оптимального вектора цен равновесие устанавливается на всех рынках одновременно, данный класс моделей позволяет оценить (в отличие, например, от эконометрических моделей) полный мультипликативный эффект влияния исследуемого фактора. Налоговая, тарифная, инвестиционная политика – наиболее популярные области, исследуемые при помощи CGE-моделей.

Несмотря на то, что изначально CGE-модели применялись для исследования национальных экономик, а также международной торговли (как совокупности взаимодействующих между собой национальных экономик), региональные CGE-модели всё шире начинают использоваться в качестве инструмента исследования влияния политики центральных властей или других экзогенных шоков на специфическую экономику отдельных регионов. Территориальные различия в структуре экономики, запасах факторов производства влекут за собой различный отклик региональных экономик на внешние изменения. Поскольку характеристики функционирования экономики региона тесным образом связаны с взаимодействиями на товарных и факторных рынках, CGE-модели являются перспективным инструментом количественной оценки изменений этих характеристик. Однако это ни в коем случае не отменяет использование для этих целей других хорошо проработанных инструментов, например, таких, как балансовые оптимизационные модели¹.

Целью настоящей статьи является построение статической CGE-модели экономики Хабаровского края, её калибровка и численное решение для последующих количественных оценок влияния экзогенных шоков и инструментов государственной политики на структурные параметры экономики региона, а также параметры благосостояния.

В разделе 1 даётся краткая характеристика CGE-моделей как инструмента анализа воздействия внешних шоков на различные аспекты исследуемой экономической системы. В разделе 2 приводится полное формальное описание CGE-модели для Хабаровского края. Наконец, в разделе 3 выполняется калибровка и численное решение модели по фактическим данным по Хабаровскому краю за 2013 г.

¹ Подробнее см.: [1; 2; 9].

CGE-модели как инструмент анализа открытых экономических систем

Модель общего равновесия вальрасовского типа, основанная на постулатах экономической теории, имеет дело с установлением равновесия спроса и предложения на всех рассматриваемых рынках, достигаемого через механизм гибких цен. Каждый из экономических агентов, выступающих в роли институциональных секторов, максимизирует свою целевую функцию: домохозяйства – функцию полезности, фирмы – функцию прибыли. Структура большинства статических CGE-моделей в целом схожа. Различия присутствуют в основном в уровне сложности и акцентах на определённых исследуемых аспектах государственной политики. Главным преимуществом моделей общего равновесия является прозрачность механизмов, при помощи которых внешние шоки или изменение политики влияют на исследуемую экономику в целом. Подобного нельзя достичь, используя, к примеру, подходы на основе частичного равновесия. Более того, модели общего равновесия могут быть решены как аналитически, так и численно, а также визуализированы графически (по крайней мере, в простом случае двухсекторной экономики).

С 1960-х гг., с работ Йохансена и Скарфа начался всплеск вычислимых моделей общего равновесия¹. Различные типы моделей разрабатываются и применяются в зависимости от сфер их приложения и исследовательских проблем. Переложение вычислимых моделей на региональный уровень, однако, началось гораздо позже. Структура региональных CGE-моделей также отличается широким разнообразием, с особенностями, присущими конкретному типу их приложения. Такие модели дали новое понимание того, как устроена и работает экономическая система региона в целом, и каковы её реакции на те или иные воздействия экономической политики. С этой точки зрения общеравновесные модели являются существенным прорывом в методологии регионального экономического анализа.

В региональных CGE-моделях за основу берутся те же принципы, что и в моделях национального уровня. Дополнительные сложности возникают ввиду большей открытости экономики регионов. Торговля осуществляется не только с другими странами, но и с остальными регионами внутри национального пространства [14]. Маловероятно, что сбережения резидентов какого-либо региона оказывают влияние на инвестиции в нём. Также существует территориальное несовпадение между размещением факторов производства и расходованием доходов. Некоторые региональные CGE-модели учитывают эти и прочие особенности, тогда как другие игнорируют обстоятельства, которые влечёт за собой большая открытость региональных систем.

Несмотря на присущие им сложности и высокие требования к вычислительным мощностям, региональные вычислимые модели общего равновесия набирают широкую популярность. В России это относительно новое направление прикладной экономики, направленное главным образом на системный анализ воздействия экономической политики на региональные экономические процессы. Следует отметить, что коллективом ЦЭМИ создана модель «Россия: Центр – Федеральные округа», подробно описывающая экономические отношения между федеральными округами и дающая количественную оценку на региональном уровне мер федеральной экономической политики [5]. Также большой опыт моделирования в рамках общеравновесного подхода накоплен коллективом Вычислительного центра им. Дородницына РАН. В частности, им была разработана соответствующая модель для Свердловской области [8].

¹ Обзор и классификация вычислимых моделей общего равновесия представлены в [3].

CGE-модель экономики Хабаровского края

В настоящей статье за основу принята CGE-модель с двумя производственными секторами и тремя товарными группами (известная в литературе как «модель 1-2-3»), рассматриваемая в работах Ш. Девараджана и др. [11; 12]. Различия между исходной моделью и представленной в настоящей работе состоят главным образом в трактовке платёжного баланса, а также инвестиционного и государственного спроса.

Производство и распределение

В регионе производится две группы товаров – торгуемый товар (E), который продаётся за пределы региона, и неторгуемый (D), на который предъявляется только внутрирегиональный спрос. Третья группа – импортный (ввозимый) товар (M), который производится за пределами региона. Первые две группы товаров производятся двумя локальными секторами экономики¹. Имеется один потребитель, получающий весь доход. Цены на торгуемые и импортируемые товары (P^E и P^M соответственно) фиксированы (региональное производство слишком мало в национальных масштабах, чтобы оказывать на них влияние), тогда как уровень цен неторгуемых товаров (P^D) определяется эндогенно.

Торгуемый и неторгуемый товары определяют границу производственных возможностей региона посредством функции (1) с постоянной эластичностью трансформации Ω (CET-функция):

$$X = A[\delta E^\Omega + (1 - \delta)D^\Omega]^{1/\Omega}, \quad \Omega = 1/(\rho - 1), \quad \rho > 1, \quad (1)$$

где δ – параметр долевого распределения. Переменная X определяет валовый продукт, который является фиксированной величиной. Это эквивалентно предположению о полном использовании факторов производства. По условию максимизации прибыли эффективное отношение торгуемого и неторгуемого товаров является функцией их относительных цен:

$$\frac{E}{D} = \left[\frac{1 - \delta}{\delta} \frac{P^E}{P^D} \right]^\Omega. \quad (2)$$

Цена композитного товара X (P^X), рассчитываемая по формуле

$$P^X = (P^E E + P^D D)/X, \quad (3)$$

соответствует дефлятору ВРП.

Другой композитный товар в данной модели, который потребляется внутри региона, образуют «блага» D и M . Неторгуемый и ввозимый товары не являются, согласно предположению, совершенными субститутами. Напротив, предложение композитного товара Q задано так называемой агрегированной функцией Армингтона с постоянной эластичностью замещения σ (CES):

$$Q^S = B[\lambda D^\sigma + (1 - \lambda)M^\sigma]^{1/\sigma}, \quad \sigma = 1/(1 - \varrho), \quad \varrho < 1. \quad (4)$$

¹ Торгуемый сектор трактуется не в строгом смысле, как совершенно не имеющий спроса внутри региона. Иначе, определённый таким образом, он имел бы очень малую долю в ВРП. Вместо этого все товары и услуги, произведённые внутри региона и не вывозимые за его пределы, трактуются как неторгуемые, а все прочие – как торгуемые.

В теории торговли предполагается однородность импортируемых и локально производимых товаров, что подразумевает их совершенную взаимозаменяемость. Подобный подход приводит к полной специализации, и равновесным решением для малых открытых экономик, таким образом, будет производство товаров, в котором они имеют сравнительные преимущества. Этот крайний случай соответствует бесконечной эластичности замещения σ . Другим крайним случаем является предположение о полной комплементарности производимого и ввозимого товаров, то есть производство регионом продукции при полном отсутствии сравнительных преимуществ ($\sigma = 0$). Это подразумевает, что отношение цен ввозимых и местных товаров постоянно, и регион ввозит фиксированный процент от валового спроса на соответствующий товар [13].

Более реалистичным подходом является предположение о том, что эластичность замещения σ больше нуля, но меньше бесконечности. Базовая концепция этой модели была предложена Армингтоном [10] для анализа международной торговли. Один и тот же товар, торгуемый между двумя странами, трактуется как два различных товара ввиду неоднородности их характеристик. Такое предположение более реалистично, чем два вышеописанных крайних случая, поскольку согласуется с наблюдаемым в действительности одновременным экспортом и импортом одинаковых по характеристикам товаров как на международном, так и региональном уровнях. В условиях высокой агрегированности товарных групп и производственной деятельности подход Армингтона широко используется при построении CGE-моделей.

Потребители максимизируют свою функцию полезности, что эквивалентно максимизации Q в данной модели. Таким образом, оптимальное соотношение D и M также является функцией их относительных цен:

$$\frac{M}{D} = \left[\frac{\lambda}{1-\lambda} \frac{P^D}{P^M} \right]^\sigma. \quad (5)$$

По аналогии с (3) определяется цена Q :

$$P^Q = (P^M M + P^D D)/Q, \quad (6)$$

которая соответствует агрегированному индексу потребительских цен.

Доход домохозяйств (Y) состоит из произведённого регионального продукта, а также трансфертов правительства (TR_{HH})¹:

$$Y = P^X X + TR_{HH} P^Q. \quad (7)$$

Также в модели имеется ещё один экономический агент – государство. Доход государства складывается из суммы различных налоговых поступлений: прямых и косвенных налогов на товары и факторы производства, отчислений в фонды социального страхования. В данной модели федеральный, региональный и местный уровни правительства агрегированы в один счёт. Ввиду этого трансферты федерального правительства региональному бюджету также учитываются на стороне дохода. Таким образом, доход государственного сектора вычисляется следующим образом:

¹ Ввиду ограничений по статистической информации, в данной модели в доходе домохозяйств не учитываются поступления от принадлежащих им факторов производства, используемых за пределами региона.

$$YG = ITAX + DTAX + SST + TRAN, \quad (8)$$

где $ITAX$ – косвенные налоги на продукцию (НДС, акцизы), $DTAX$ – прямые налоги (налог на доход физических лиц, налог на прибыль, имущественные налоги и т.д.), SST – отчисления в фонды социального страхования, $TRAN$ – трансферты федерального правительства (безвозмездные поступления в региональный бюджет). Дальнейшее расширение модели, с вовлечением рынка факторов производства (что выходит за рамки настоящей работы), позволяет эндогенизировать доход государственного сектора путём применения ставок соответствующих налогов к товарам и факторным доходам. Государственные расходы состоят из трансфертов домохозяйствам в натуральной и денежной форме (включая выплаты из внебюджетных фондов), а также экзогенно заданного государственного потребления (G).

Домохозяйства сберегают фиксированную пропорцию своего дохода (s) для целей будущего потребления. Сбережения государства (Sg) представляют собой баланс доходов YG и расходов на государственное потребление и трансферты и субсидии домохозяйствам (бюджетный профицит или дефицит):

$$Sg = YG - G - TR_{HH}. \quad (9)$$

Платёжный баланс региона (CA), состоящий из разности стоимостей регионального вывоза E и ввоза M , а также заимствований региональных резидентов на внешнем рынке (по отношению к региону), является эквивалентом внешних сбережений, поступающих из-за пределов региона для целей инвестирования. Таким образом, валовые региональные сбережения определяются как

$$SAV = sY + Sg + CA. \quad (10)$$

Подобная трактовка валовых сбережений позволяет соблюсти равенство сбережений и инвестиций в основной капитал (INV) региона, которые в данной модели являются экзогенной величиной.

Государство оперирует также налоговыми инструментами, представленными в данной модели двумя агрегированными видами налогов – прямыми и косвенными, взимаемыми по соответствующим ставкам t_y и t_s . Соответственно, доход консолидированного бюджета определяется следующим образом:

$$YG = t_s P^Q Q + t_y Y + TRAN. \quad (8^*)$$

Косвенные налоги также участвуют в региональном ценообразовании, оказывая влияние на конечную цену продаж композитного товара:

$$P^S = (1 + t_s) P^Q. \quad (11)$$

Поскольку в модели не отражаются в явном виде операции экспорта и импорта, цены вывоза и ввоза (P^E и P^M) заданы экзогенно и являются внутрироссийскими (усреднёнными для национальной экономики). Так как в конечном итоге для нас важны не абсолютные, а относительные значения цен, то $P^E = 1$ выступает в модели в качестве нумератора. Цена же «локального» (неторгуемого) товара (P^D) является внутренней ценой региона и определяется эндогенно.

Потребление домохозяйств (C) определяется из располагаемого дохода за вычетом сбережений:

$$C \cdot P^S = (1 - s - t_y)Y. \quad (12)$$

Региональный спрос (Q^D) состоит из спроса домохозяйств, а также инвестиционного и государственного спроса:

$$Q^D \cdot P^S = C + INV + G. \quad (13)$$

Заметим, что в отличие от традиционного макроэкономического тождества в уравнение (13) не входит переменная чистого регионального экспорта (вывоза), поскольку в данном случае региональный спрос предъявляется не на произведённый в регионе продукт X , а на композитный товар Q , состоящий из производимого для внутрирегионального потребления товара D и ввозимого для тех же целей товара M .

Условия равновесия и замыкание модели

Для того чтобы вычислимая модель являлась полностью определённой, необходимо задать условия равновесия и выбрать способ замыкания модели. Регион является открытой системой, что отражается через финансовые потоки между ним и остальной национальной экономикой, то есть через его платёжный баланс и баланс государственного бюджета. Любая разница между доходами государства (полученными в регионе) и его расходами в этом регионе характеризует финансовый поток через государственный канал. Так как в данной модели счёт правительства включает в себя все уровни (федеральный, региональный, местный), любое положительное (отрицательное) сальдо трактуется как отток (приток) денег из (в) региональной экономической системы. То есть как чистый финансовый отток (приток). Подобным образом обстоит дело и с региональными инвестициями в основной капитал. Превышение объёма региональных сбережений над инвестициями является чистым оттоком, и наоборот.

Доходы региональных резидентов в общем случае могут быть получены из двух типов источников: региональная и внерегиональная деятельность. Часть трудовых ресурсов региона может быть занята за его пределами, равно как и трудовые ресурсы других регионов могут осуществлять деятельность в данном регионе. Аналогично обстоит дело с другими экономическими ресурсами. Установление различий между двумя видами использования ресурсов представляется важным с точки зрения определения соответствия между произведённым региональным продуктом и потреблением. Однако ввиду отсутствия необходимых статистических данных эти различия в модели приходится игнорировать¹. Другими словами, в настоящей модели принимается предпосылка о том, что в процессе регионального производства используются только ресурсы данного региона.

Наиболее важный вопрос касается типа замыкания модели (*model closure*). В исходной модели [12], взятой за основу, рассматривалась национальная экономика, в которой валовые инвестиции определялись эндогенно, исходя из предпосылки равенства национальных сбережений (трактуемых в широком смысле) и инвестиций. Таким образом, исходная модель придерживалась неоклассического типа замыкания. На уровне регионов не может быть выполнено равенство сбережений и инвестиций, как это допускается в национальных и международных CGE-моделях.

Предложение сбережений для целей инвестирования на региональном уровне состоит

¹ Тем не менее, попытки получения косвенных оценок регионального перераспределения добавленной стоимости в экономике России имеют место. См., например, [7].

из региональных сбережений домохозяйств и чистого притока инвестиционного капитала из-за пределов региона. В данной модели используется так называемое «правило замыкания Йохансена» (*Johansen closure rule*), при котором инвестиции фиксированы, а размер чистых финансовых потоков определяется таким образом, чтобы соответствовать инвестиционному спросу региона при заданном уровне региональных сбережений домохозяйств и государственного сектора [15]. Это означает, что в настоящей модели платёжный баланс региона выступает в качестве эндогенной переменной¹:

$$CA = INV - sY - Sg. \quad (14)$$

Равновесные условия модели наряду с уравнением (9) определяются следующим образом:

$$D^D - D^S = 0, \quad (15)$$

$$Q^D - Q^S = 0, \quad (16)$$

$$P^S \cdot INV - SAV = 0. \quad (17)$$

Спрос на неторгуемый товар D должен быть равен его предложению. Аналогичные условия должны выполняться и для композитного товара Q . Экзогенно заданный уровень валовых региональных инвестиций определяет требуемый уровень валовых региональных сбережений.

Таким образом, уравнения (1) – (17) полностью определяют двухотраслевую трёхтоварную модель общего равновесия региона без рынка факторов производства и промежуточной продукции. С учётом того, что $P^E = 1$, а $P^M = P^E$, наша модель состоит из 19 уравнений, 18 эндогенных переменных ($E, M, D^S, D^D, Q^S, Q^D, Y, SAV, YG, C, P^M, P^E, P^S, P^Q, P^X, P^D, Sg, CA$) и 8 экзогенных переменных ($X, INV, G, t_s, t_y, TRAN, TR_{HH}, s$). В силу Закона Вальраса (если равновесие устанавливается на $n - 1$ из n рынков, то на последнем оно установится автоматически), мы можем отбросить одно из 19 уравнений. Например, легко может быть отброшено уравнение (17), устанавливающее равенство сбережений и инвестиций.

Статистические данные, калибровка и численное решение модели

Источником данных модели для Хабаровского края послужили статистические материалы Госкомстата и данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю за 2013 г. Практически вся необходимая информация содержится в открытом доступе на сайте Федеральной службы государственной статистики (<http://www.gks.ru>), за исключением данных по региональным объёмам вывоза продукции из Хабаровского края. К торгуемому сектору (E) отнесены виды деятельности: сельское и лесное хозяйство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь. Все прочие виды деятельности отнесены в состав неторгуемого сектора экономики (D). Оценённые данные, используемые в модели, приведены в [таблице 1](#). Все величины промасштабированы и индексированы по отношению к ВРП ($X = 1$).

¹ В исходной модели эта переменная является фиксированной. Изменение её значений влияет на сдвиг кривой бюджетного ограничения региональных экономических агентов.

Таблица 1

Перечень фактических значений переменных модели

Показатель	Значение, млрд рублей	Индекс ($X = 1$)
X	473,7	1,00
E	158,2	0,33
M	244,9	0,52
C	327,8	0,69
INV	137	0,29
G	95,6	0,20
$ITAX$	17	0,04
$DTAX$	59,8	0,13
SST	76,6	0,16
$TRAN$	34,6	0,07
TR_{HH}^*	89,2	0,19

Примечание: * – включая расходы внебюджетных фондов на территории Хабаровского края.

Данная таблица требует некоторых пояснений. Помимо экзогенных переменных в таблице представлены также и значения некоторых эндогенных переменных. Это необходимо для: 1) калибровки параметров функций X и Q^S ; 2) задания начальных значений искомым переменных, как того требует вычислительный аппарат, применяемый в модели; 3) сравнения полученных в результате модельных расчётов данных с реальными величинами.

В качестве косвенного налога ($ITAX$) взят только показатель поступления акцизных сборов, так как поступление налога на добавленную стоимость (НДС) по Хабаровскому краю в 2013 г. составляло отрицательную величину (возмещение НДС)¹. В данном исследовании не принимается допущение о том, что отрицательная величина НДС повлияла на конечную цену продаж композитного товара Q в сторону её уменьшения. Таким образом, значение данного косвенного налога принято равным нулю.

Величина регионального вывоза (E) оценена как сумма объёма вывоза продукции в другие регионы и объёма экспорта, умноженного на среднегодовой номинальный валютный курс 2013 г. Объём ввоза в регион (M) оценён как разность между объёмом валового спроса в регионе ($C + INV + G$) и объёмом ВДС неторгуемого сектора (D). К инвестициям в основной капитал (INV) отнесены как частные, так и государственные капиталовложения. Государственные расходы (G) рассчитаны как общие расходы консолидированных бюджетов субъекта РФ за вычетом расходов на социальную политику. Последние отнесены на счёт трансфертов домохозяйствам (TR_{HH}). Также на счёт трансфертов домохозяйствам отнесены расходы внебюджетных фондов (пенсионного, социального страхования, обязательного медицинского страхования) на территории Хабаровского края.

Для полного определения модели необходимо задать параметры CES и CET функций X и Q^S . В качестве значений степеней функций (1) и (4) были приняты значения $\Omega = 2,67$, $\sigma =$

¹ Более подробно о региональных поступлениях налога на добавленную стоимость в РФ см. в [6].

0,67. Эти значения аналогичны тем, что использованы в [11]. В целом они адекватно отражают эластичности замещения в соответствующих секторах развивающихся стран. Далее, значения параметров долевого распределения δ и λ оцениваются из уравнений (2) и (5) для базового 2013 г., в предположении, что соответствующие цены приняты за единицу. Наконец, подставив полученные значения в уравнения (1) и (4), легко вычислить параметры масштаба A и B для базовых значений переменных.

Численная реализация вычислимой модели общего равновесия для Хабаровского края осуществлялась в прикладном пакете MS Excel с использованием инструмента «Поиск решения». Решалась задача на максимум целевой функции (в качестве таковой была произвольно выбрана функция потребления C) путём подбора значений всех остальных эндогенных переменных модели.

Поскольку в модели не рассматриваются межрегиональные перемещения факторов производства и их динамика в регионе, значение валового регионального продукта $X = 1$ принято в качестве фиксированной переменной. Другими словами, кривая производственной трансформации Хабаровского края неизменна. В **таблице 2** приведены фактические значения эндогенных переменных, вычисленные на основе статистических данных, а также их значения, полученные в результате решения модели (1) – (17).

Таблица 2

Фактические (базовые) и расчетные значения эндогенных переменных модели

Эндогенные переменные	Базовые значения (2013 г.)	Вычисленные значения
E	0,334	0,354
M	0,517	0,457
D^S	0,666	0,645
D^D	0,666	0,645
Q^S	1,183	1,1
Q^D	1,183	1,1
YG	0,324	0,325
Y	1,188	1,201
SAV	0,281	0,281
C	0,672	0,67
P^M	1	1
P^E	1	1
P^S	1,03	1,043
P^Q	1	1,012
P^X	1	1,01
P^D	1	1,018
Sg	0,007	0,003
CA	0,066	0,067

Как видно, рассчитанные в модели значения практически совпадают со значениями базового периода. Небольшие расхождения вызваны главным образом различиями внутрорегионального и национального уровней цен. Уровень цен продукции, производимой в регионе для целей локального потребления (P^D), несколько превышает среднероссийский. В результате этого региональный индекс цен (P^X) также выше национального уровня, поскольку удельный вес неторгуемого сектора в валовом региональном продукте (X) достаточно высок. Так как расчётный доход агентов региональной экономики (Y) складывается из произведённого ВРП, номинально он несколько превышает фактический базовый уровень. Однако реальный спрос Q^D ниже базового значения ввиду более высоких расчётных отпускных цен P^S . Экзогенное изменение национального уровня цен, а также различных параметров государственной бюджетно-налоговой политики позволяет проследить изменения эндогенных переменных данной модели и, следовательно, количественно измерить влияние внешних шоков на основные макроэкономические параметры региональной экономики. Подобные оценки не являются целью настоящей работы, это – предмет будущих исследований автора.

Заключение

В данной работе продемонстрировано, каким образом двухсекторная модель общего равновесия с тремя товарами для малой открытой страны может быть модифицирована и адаптирована для отдельного региона в рамках национальной экономики. Главное различие заключается в альтернативном способе замыкания модели. В данном случае была проведена адаптация уровня региональных сбережений в целях их соответствия экзогенно заданному уровню региональных инвестиций в основной капитал. Относительная простота модели позволяет использовать доступные статистические данные, что в ещё большей мере повышает ценность данного инструмента для количественного экономического анализа.

Несмотря на то, что вычислимые модели общего равновесия являются мощным, сложным и перспективным методом анализа, следует очень тщательно специфицировать и верифицировать их для того, чтобы они были приспособлены к анализу сложных проблем экономической политики. Задание параметров модели на основе установленных эмпирических зависимостей также влияет на точность получаемых выводов, что делает эти модели более пригодными для использования при решении многих практических вопросов.

Модель, представленная в настоящей статье, не лишена недостатков. Все они вытекают главным образом из её структурной простоты. В ней не рассматриваются рынки труда и капитала, что крайне ограничивает применимость модели для анализа изменения благосостояния домохозяйств, последствий государственной налоговой политики, а также многих других важных вопросов. В планах дальнейших исследований автора в данном направлении – построение более сложных в структурном плане, но более адекватных целям анализа последствий влияния экзогенных шоков вычислимых равновесных моделей как для экономики ДФО в целом, так и отдельных дальневосточных субъектов РФ.

Список литературы

1. Белоусова А.В. Моделирование экономических эффектов изменения параметров внешней среды региона // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 3. С. 14–25. DOI: 10.14530/reg.2017.3
2. Гранберг А.Г., Суслов В.И., Суспицын С.А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. 2008. № 2. С. 120–150.
3. Изотов Д.А. Эмпирические модели общего экономического равновесия // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 138–167. DOI: 10.14530/se.2014.3.138-167

4. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Современные методы прогнозирования последствий управленческих решений // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 12–24.
5. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сулакишин С.С. Применение вычислимых моделей в государственном управлении. М.: Научный эксперт, 2007. 304 с.
6. Малкина М.Ю., Балакин Р.В. Анализ и моделирование поступлений налога на добавленную стоимость для регионов Российской Федерации // Финансы и кредит. 2014. № 23. С. 18–28.
7. Мельникова Л.В. Оценка географических направлений инвестиционных потоков // Регион: экономика и социология. 2010. № 3. С. 81–101.
8. Петров А., Поспелов И. Математические модели экономики России // Вестник Российской Академии Наук. 2009. Том 79. № 6. С. 492–506.
9. Суслов В.И. Многорегиональная оптимизационная модель: реальное значение и современная спецификация // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 19–45.
10. Armington P.A. Theory of Demand for Products Distinguished by Place of Production // International Monetary Fund Staff Papers. 1969. Vol. 16. № 1. Pp. 159–176.
11. Devarajan S., Go D., Lewis J., Robinson S., Sinko P. Simple General Equilibrium Modeling // Applied Methods for Trade Policy Analysis: A Handbook. Ed. by J.F. Francois, K.A. Reiner. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 156–185.
12. Devarajan S., Lewis J., Robinson S. Policy Lessons from Trade-Focused, Two-Sector Models // Journal of Policy Modeling. 1990. Vol. 12. № 4. Pp. 625–657.
13. Koh Y.-K., Scheiner D., Shin H. Comparisons of Regional Fixed Price and General Equilibrium Models // Regional Science Perspectives. 1993. Vol. 23. № 1. Pp. 33–80.
14. Partridge M., Rickman D. Regional Computable General Equilibrium Modeling: A Survey and Critical Appraisal // International Regional Science Review. 1998. Vol. 21. № 3. Pp. 205–248.
15. Rattsø J. Different Macroclosures of the Original Johansen Model and Their Impact on Policy Evaluation // Journal of Policy Modeling. 1982. Vol. 4. № 1. Pp. 85–97.

References

1. Belousova A.V. Modeling of Economic Effects of Changing of the Region's External Environment Parameters. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 3. Pp. 14–25. DOI: 10.14530/reg.2017.3 (In Russian)
2. Granberg A.G., Suslov V.I., Suspitsin S.A. Economic-Mathematical Studies of Multiregional Systems. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. 2008. No. 2. Pp. 120–150. (In Russian)
3. Izotov D.A. Empirical Models of General Economic Equilibrium. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2014. No. 3. Pp. 138–167. DOI: 10.14530/se.2014.3.138-167 (In Russian)
4. Makarov V.L., Bakhtizin A.R. Modern Methods of Forecasting of Consequences of Administrative Decisions. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Administrative Consulting]. 2015. No. 7. Pp. 12–24. (In Russian)
5. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sulakshin S.S. *The Application of Computable Models in Public Administration*. Moscow, 2007. 238 p. (In Russian)
6. Malkina M.Y., Balakin R.V. Analysis and Modeling of Value Added Tax Receipts for the Regions of the Russian Federation. *Finansy i kredit* [Finances and Credit]. 2014. No. 23. Pp. 18–28. (In Russian)
7. Melnikova L.V. Assessing the Geography of Investment Flows. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. 2010. No. 3. Pp. 81–101. (In Russian)
8. Petrov A., Pospelov I. Mathematical Models of the Russian Economy. *Vestnik Rossiyskoi Akademii Nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2009. Vol. 79. No. 6. Pp. 492–506. (In Russian)
9. Suslov V.I. Multiregional Optimization Model: Real Value and Modern Specification. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economy and Sociology]. 2011. No. 2. Pp. 19–45. (In Russian)

10. Armington P.A. Theory of Demand for Products Distinguished by Place of Production. *International Monetary Fund Staff Papers*. 1969. Vol. 16. No. 1. Pp. 159–176.
11. Devarajan S., Go D., Lewis J., Robinson S., Sinko P. Simple General Equilibrium Modeling. In: *Applied Methods for Trade Policy Analysis: A Handbook*. Ed. by J.F. Francois, K.A. Reiner. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 156–185.
12. Devarajan S., Lewis J., Robinson S. Policy Lessons from Trade-Focused, Two-Sector Models. *Journal of Policy Modeling*. 1990. Vol. 12. No. 4. Pp. 625–657.
13. Koh Y.-K., Scheiner D., Shin H. Comparisons of Regional Fixed Price and General Equilibrium Models. *Regional Science Perspectives*. 1993. Vol. 23. No. 1. Pp. 33–80.
14. Partridge M., Rickman D. Regional Computable General Equilibrium Modeling: A Survey and Critical Appraisal. *International Regional Science Review*. 1998. Vol. 21. No. 3. Pp. 205–248.
15. Rattsø J. Different Macroclosures of the Original Johansen Model and Their Impact on Policy Evaluation. *Journal of Policy Modeling*. 1982. Vol. 4. No. 1. Pp. 85–97.

Для цитирования:

Исаев А.Г. Простая двухсекторная вычислимая модель общего равновесия экономики Хабаровского края: спецификация и численное решение // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 47–59. DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

For citing:

Isaev A.G. Simple Two-sector Computable General Equilibrium Model of Khabarovsk Territory's Economy: Specification and Numerical Solution. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 47–59. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

ВОРОНИНА**Елена
Петровна**

Кандидат экономических
наук, доцент, старший
научный сотрудник

Институт системного анализа
ФИЦ ИУ РАН,
ул. Вавилова, 44,
Москва, Россия, 119333

VORONINA**Elena
Petrovna**

Ph.D. in economics, associated
professor, senior researcher

Institute of System Analysis
of Federal Research Center
«Computer Science and
Control» of Russian Academy
of Sciences,
44, Vavilova Street,
Moscow, Russia, 119333

vep73@rambler.ru

© Воронина Е.П., 2017

УДК 332.1 + 338.2

ФОРМИРОВАНИЕ ОПОРНЫХ ЗОН РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ: ПРИМЕНЕНИЕ GAP-АНАЛИЗА

В статье рассматриваются тенденции к формированию новых территориальных образований – опорных зон, выступающих в качестве функциональных «ядер» будущего социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации. Представлены результаты Gap-анализа мер по формированию опорных зон развития в российской Арктике. При всей актуальности создания таких опорных зон до настоящего времени недостаточно проработаны некоторые положения государственной политики.

Арктика, опорные зоны, региональная экономика, территориально-кластерный подход, государственная программа, национальная безопасность, Gap-анализ

FORMATION OF SUPPORT ZONES FOR THE DEVELOPMENT OF ARCTIC ZONE OF RUSSIAN FEDERATION AND ENSURING THEIR FUNCTIONING: GAP-ANALYSIS

The article examines the trends towards the formation of new territorial entities – support zones which act as the functional «nuclei» of the future social and economic development of the Arctic zone of Russian Federation. The results of Gap-analysis of activities to form the support zones for the development of Russian Arctic is presented. Up to the present time, some provisions of state policy have not been sufficiently elaborated, given the urgency of creating of such support zones.

Arctic, support zones, regional economy, territorial cluster approach, state program, national security, Gap-analysis

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-02-00683 «Условия использования и развития ресурсного потенциала Арктической зоны РФ».

В современной геополитической обстановке и нестабильной макроэкономической ситуации важнейшим фактором, определяющим экономическое развитие России, является возрастающее значение Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ).

Арктика занимает одно из приоритетных мест в российской повестке дня, что обусловлено следующими причинами:

- основой политики Российской Федерации в Арктике являются широкое и многоцелевое присутствие, рост комплексного и сбалансированного социально-экономического развития в интересах национальной безопасности, устойчивого природопользования, сбережения уникальных экологических систем АЗРФ, научно-инновационная деятельность;

- необходимость защиты государственных интересов России в Арктике для обеспечения национальной безопасности, обусловленная современной геополитической обстановкой и значительным вниманием приарктических и ряда не имеющих арктических владений государств к освоению углеводородных ресурсов арктического шельфа России;

- переплетение социальных, экономических, научно-технических и экологических факторов развития, действие которых нередко проявляется в виде противоречивых тенденций, что предполагает корректировку государственной политики, базирующуюся на анализе возможностей территории, воспроизводстве социального, хозяйственного и ресурсного потенциалов на базе принципов устойчивого развития;

- значение транспортного потенциала АЗРФ, ориентированного на формирование устойчивых транспортных связей в интересах интеграции экономики арктических регионов в общероссийское пространство, повышение национальной безопасности и укрепление геополитического положения России;

- высокий уровень ресурсного потенциала АЗРФ, имеющий важное стратегическое значение для России¹;

- уникальность экосистемы АЗРФ: природные комплексы Арктики характеризуются экстремальными климатическими и геофизическими условиями, являются особо уязвимыми, неустойчивыми к внешним воздействиям, обладают пониженной способностью к восстановлению и самоочищению.

АЗРФ представляет собой уникальный географический и экологический объект, формируемый благодаря пространственной интеграции территории и акватории и отличающийся особенными свойствами и качествами:

1. Незначительная плотность и неравномерность заселения: большую часть территории составляют районы с плотностью населения 1–2 человека на 1 км², в то же время для этой зоны характерна самая высокая урбанизированность – более 80% населения проживает здесь в городах и посёлках.

2. Социально-экономическое развитие арктических регионов России обусловлено историческим уровнем освоённости. Запад арктической зоны относительно развит и обеспечен основными факторами производства, восточная часть Арктики развита моноструктурно, отличается неразвитой инфраструктурой, отмечается нехватка материальных и трудовых ресурсов.

3. Сложившиеся отраслевая структура экономики слабо диверсифицирована, отмечаются высокий удельный вес добывающих отраслей промышленности и природоэксплуати-

¹ По данным Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, в макрорегионе открыто 594 месторождения нефти, 159 – природного газа, 2 – никеля, более 350 – золота. Начальные извлекаемые суммарные ресурсы данного макрорегиона в целом оценены в 258 млрд т условного топлива [5].

рующая направленность экономики, промышленные объекты, транспортно-портовая инфраструктура и трудовые ресурсы размещены чрезвычайно неравномерно, наблюдается очаговое развитие с опорой на крупные промышленные центры.

4. Объекты транспортного комплекса ориентированы преимущественно на вывоз полезных ископаемых, завоз грузов и потребительских товаров, а также обслуживание промышленных и военных объектов. Основное преимущество арктических территорий России – выход к Северному Ледовитому океану, с возможностью использования уникального трансконтинентального маршрута – Северного морского пути. В то же время неравномерность развития пространственной структуры транспортной системы регионов АЗРФ приводит к существенному снижению указанного преимущества. Обладая огромным территориальным и транзитным потенциалом, большая часть этой зоны в транспортном отношении практически не обустроена и не имеет полноценных связей не только с основными транспортными магистралями, но и налаженных внутрирайонных коммуникаций [8].

Исходя из анализа особенностей развития арктических регионов, можно предположить, что роль российской Арктики двойственна и противоречива. С одной стороны, её мощный природно-ресурсный, территориальный и геополитический потенциал является резервом устойчивого развития, с другой – экстремальные условия жизни и производственной деятельности осложняют социальные и экономические процессы.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость формирования новой современной аутентичной российской модели развития АЗРФ, адекватной глобальным и российским вызовам. По мнению А.Н. Пилясова, концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации предполагает, что новая модель пространственного развития России строится на принципах многополярности территориальных центров роста, уменьшения масштабов регионального неравенства, формирования новых региональных и межрегиональных зон развития, создания территориально-производственных кластеров – конкурентоспособных комплексов взаимосвязанных высокотехнологичных производств на определённой территории, ориентированных на глубокую переработку сырья и производство энергии, обеспечивающих освоение ранее необжитых районов [6]. Такое положение прослеживается на современном этапе в пространственном развитии АЗРФ, возникают новые зоны развития, которые должны привести к рациональному размещению производительных сил.

Арктическая зона признаётся особым объектом государственной политики, о чём свидетельствует принятие целого ряда основополагающих документов¹. В качестве ключевого механизма реализации государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» было предложено создание опорных зон на основе кластерного подхода, адаптированных к особенностям АЗРФ, с учётом сложившейся системы расселения, очагового характера промышленно-хозяйственного освоения и существующей транспортной системы. Кроме того, создание опорных зон продекларировано в новом законопроекте «О развитии Арктической зоны Российской Федерации».

Формирование опорных зон предусматривает развитие территории по принципу обеспечения взаимосвязки всех «отраслевых» мероприятий путём модернизации прошлых индустриальных зон.

¹ «Основы государственной политики в Арктике до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утверждены Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г.), «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (утверждена Президентом Российской Федерации 20 февраля 2013 г.), государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г.)

стриальных модулей на этапах планирования, целеполагания, финансирования и реализации, что, как обозначается в законопроекте, позволит сократить все виды издержек.

В предстоящие годы в АЗРФ предлагается создание 8 опорных зон исходя из существующих промышленных центров, функционирования транспортных узлов и ресурсной базы, а также территориального развития и взаимоувязанного кооперирования и комбинирования различных участников хозяйственного освоения макрорегиона.

1. Формирование **Кольской опорной зоны** будет базироваться на транспортно-логистическом, горно-химическом, рыбопромышленном кластерах [10], благодаря выгодно-му географическому положению и наличию значительных запасов полезных ископаемых. Мурманская область располагает портовыми мощностями (действующими и проектируемыми), судами разного профиля и ледокольным флотом, имеется ремонтная база. Область находится на стыке транснациональных маршрутов, свыше 14% общероссийских перевозок грузов морским транспортом приходится на Мурманскую область, где расположено 3 морских порта. Основой развития рыбной отрасли Мурманской области является наличие более 200 морских промысловых судов и береговой комплекс, включающий портовые сооружения и береговые рыбоперерабатывающие предприятия.

Регион является единственным российским производителем апатитового, нефелинового и бадделеитового концентратов, а также электролитного кобальта высших марок. Область обеспечивает более половины общероссийского производства никеля, 10% – железорудного концентрата, 7% – рафинированной меди.

2. **Архангельская опорная зона** основывается на уже существующих инновационных территориальных лесопромышленном и судостроительном кластерах и социальном кластере Архангельской области¹ (в стадии создания – биотехнологический и рыбопромышленный кластеры) [2]. В настоящее время на региональном уровне уже сложились процессы кластеризации и ясное понимание необходимости кооперации и взаимодействия для достижения конкурентоспособности региональной экономики.

Вследствие выгодного географического положения и развитой транспортной инфраструктуры области, включающей железнодорожное, авиационное, морское и речное сообщение, большое значение имеет развитие транспортного комплекса области в целях эффективного обеспечения и функционирования транспортно-логистической системы АЗРФ.

Развитие Архангельской опорной зоны обусловлено как уже сложившимся исторически производством, так и вновь формируемым. В последние годы многие предприятия Архангельской области стали поставщиками продукции, предназначенной для реализации нефтегазовых проектов. Так, восемь лет назад была создана ассоциация «Созвездие», в которую вошли такие крупные предприятия, как Севмаш и «Звёздочка» и сотни средних и малых предприятий – поставщиков и подрядчиков нефтегазовой промышленности, привлекаются высокотехнологичные инжиниринговые компании и устанавливаются связи с региональными и зарубежными операторами нефтегазовой промышленности. Проект «Ямал-СПГ» стал «драйвером» для привлечения 70 региональных компаний. Всё это указывает на предпосылки образования инновационных территориальных кластеров на основе интегрированных региональных производственных систем и сетей.

3. Предпосылкой для принятия решения об образовании **Ненецкой опорной зоны** является значительный углеводородный потенциал. Перспективные направления развития зоны определяются наличием инфраструктурных проектов, связанных с добычей и транспортировкой углеводородов в целях создания одной из мощных нефтегазовых провинций России.

¹ <http://map.cluster.hse.ru/cluster/217>

4. Главным условием создания *Воркутинской опорной зоны* является наличие месторождений Печорского угольного бассейна с большими запасами высококачественного сырья для металлургической, энергетической и коксохимической промышленности. Предполагается, что муниципальное образование городского округа «Воркута» станет промышленным и транспортным узлом с целью развития транспортно-логистической инфраструктуры для освоения и транспортировки воркутинской угольной продукции, доставки промышленных грузов и других полезных ископаемых.

5. Образование *Ямало-Ненецкой опорной зоны* основывается на уникальных углеводородных месторождениях Ямало-Ненецкого автономного округа, которые являются крупнейшими поставщиками углеводородного сырья. Ежегодно на территории указанного округа добывается более 80% российского газа ($\frac{1}{5}$ часть от мирового производства), что обусловило идею формирования нефтегазохимического кластера на базе месторождений полуостровов Ямал и Гыдан, Обской и Тазовской губ и шельфа Карского моря [10]. Планируемый кластер будет способствовать расширению воспроизводства минерально-сырьевой базы добычи нефти, газа и газового конденсата; развитию транспортной инфраструктуры, диверсификации поставок природного газа и организации поставок СПГ, созданию научной и инновационной инфраструктуры. Базой для формирования и развития опорной зоны будет являться реализация крупных проектов: «Ямал», «Урал Промышленный – Урал Полярный», «Уренгойская добывающая зона», «Салехардский транспортно-логистический узел», «Ямал СПГ» и др.

6. Предпосылкой формирования *Таймыро-Туруханской опорной зоны* является значительный природно-ресурсный потенциал (медно-никелевая руда, углеводородное сырьё, каменный и бурый угли, золото и платиноиды, редкие металлы и редкоземельные элементы, а также технические алмазы). Перспективными являются и такие виды полезных ископаемых, как титан, свинец, цинк, серебро, молибден и камнесамоцветное сырьё.

Предполагается, что ведущими кластерами, практически уже определившими свою специализацию и занимающими одно из ведущих мест в Восточной Арктике, могут стать горно-металлургический кластер (на базе горно-химического Норильского комплекса) и нефтегазовый кластер (на базе месторождений Ванкорской группы, расположенных в Таймырском и Туруханском районах) [2].

Наряду с уже эксплуатируемыми месторождениями углеводородов планируется создание четырёх новых добывающих центров (на начальном этапе – Диксонского центра угледобычи и Усть-Енисейского центра нефтегазодобычи, а в перспективе – Хатангского и Авамского центров нефтегазодобычи) и металлургического центра Норильского промышленного района. Проекты по освоению полезных ископаемых могут стать приоритетными и оказать существенное влияние на увеличение грузопотока по трассам Северного морского пути.

7. *Северо-Якутская опорная зона* представляет собой пилотный проект, нацеленный на развитие добывающей промышленности: добыча углеводородного сырья на территории Анабарского района, добыча олова в Усть-Янском районе, разработка золоторудных месторождений на северо-востоке Республики Саха (Якутия), где со временем может сформироваться несколько территориальных кластеров (горнохимических и энергетических) [10].

Недостаточное развитие транспортной системы является основной проблемой, которая замедляет формирование и развитие Северо-Якутской опорной зоны. Для устранения недостатков необходимо совершенствование транспортно-коммуникационных ресурсов с высокими логистическими функциями на базе взаимодействия морского, речного и железнодорожного транспорта: проведение реконструкции портовой инфраструктуры морского порта Тикси, создание высокотехнологичной Жатайской судовой верфи, строительство речных судов раз-

личных типов и назначений и строительство судов класса «река – море». Кроме того, в целях развития опорной зоны предусмотрено расширение традиционных отраслей Севера, сельского хозяйства, туризма, энергетики, транспорта и создание аэропортовых комплексов.

8. **Чукотская опорная зона** является самой отдалённой северной российской территорией с экстремальными природно-климатическими условиями и предельно низкой доступностью, обусловленной отсутствием круглогодичной связи по наземным транспортным коммуникациям как между населёнными пунктами округа, так и с другими регионами России.

Открытие месторождений драгоценных (прежде всего золота (до 10% разведанных запасов России), а также серебра) и цветных металлов (на территории округа разрабатывается 83 олово-вольфрамовых месторождения) [2], значительные перспективы добычи углеводородных ресурсов (в пределах шельфа Берингова моря выделяют три нефтегазоносных бассейна: Анадырский, Хатырский и Наваринский), наличие на территории Чукотского автономного округа развитой горно-добывающей промышленности способствуют образованию Чукотской опорной зоны. В качестве системообразующего фактора формирования Чукотской опорной зоны следует выделить развитие транспортной инфраструктуры в восточном секторе Северного морского пути и АЗРФ.

В реализации подпрограммы «Формирование опорных зон развития и обеспечение их функционирования, создание условий для ускоренного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации» государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» предусмотрено выделение двух этапов.

На первом этапе планируется разработать концепцию опорных зон в Арктике, нормативно-правовые и организационно-технические условия для формирования опорных зон развития и обеспечения их функционирования. На втором этапе планируется утверждение нормативно-правовых актов, регламентирующих формирование и функционирование опорных зон развития, запуск пилотных проектов опорных зон для апробации данного подхода. Планируется, что в целом объём федеральных бюджетных ассигнований для реализации подпрограммы опорных зон составит более 131 млрд рублей¹.

Применительно к вышеизложенному возникает целый ряд вопросов. Смогут ли государство в нынешней финансовой ситуации воплотить в жизнь амбициозные и дорогостоящие планы по развитию Арктической зоны, стоимость которых оценивается во многие миллиарды рублей? Будет ли эффективно применение новых механизмов промышленной и инновационной политики с учётом оптимизации взаимосвязи между человеком, хозяйством и природой средой, в соответствии с принципами комплексности и рациональности социально-экономического развития арктических регионов?

В российском научном сообществе приходят к выводу, что сама сырьевая ориентация экономики может стать мощным стимулом формирования не только промышленных, но и высокотехнологичных инновационных кластеров. Это потребует новых форм организации промышленного производства на основе локально-интегрированных региональных производственных систем и сетей [4; 10].

По мнению автора, преимущества кластерной политики заключаются в мультипликационном эффекте, представляющем взаимодействие и кооперирование топливно-сырьевого и инновационного секторов национальной экономики, при которых добывающая промышленность мобилизует финансовые ресурсы для обеспечения технологических инноваций, а

¹ Постановление Правительства РФ № 1064 от 31 августа 2017 г. «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366».

наукоемкие отрасли способствуют формированию высокопроизводительной материально-технической базы добывающих отраслей и транспортного комплекса. Указанный эффект содействует экономическому развитию и приводит к диверсификации монопрофильной экономики.

В связи с этим целесообразно продиагностировать настоящие и будущие состояния, связать ресурсы и результаты, проанализировать проблемные места для достижения поставленных целей и успешности реализации определенных задач. В настоящее время экономика арктических регионов отличается крайне неравномерным развитием и не вполне отвечает стратегическим задачам, наблюдаются достаточно существенные разрывы и узкие места, оказывающие негативное воздействие и препятствующие социально-экономическому развитию макрорегиона.

Для этих целей автором был проведен Gap-анализ [1; 3; 7]. Gap-анализ (*рис. 1*) выявляет расхождения (разрывы) между тем, «что есть» (ASIS), и тем, что «должно быть» (TOBE), которые необходимо устранить. Главным преимуществом метода является то, что он обращает внимание на расхождения, идентифицирует существующие несоответствия и обозначает то, чего не хватает в настоящее время.

Рис. 1. Gap-анализ

Выявление и обозначение проблемных зон (разрывов) предполагает осуществление структуризации, анализ динамики реализации текущих и долгосрочных задач развития и эффективности мер, предпринимаемых органами управления арктических регионов по реализации социально-экономической политики. Эта информация необходима, чтобы ответить на ряд вопросов: Правильно ли поставлены и структурированы стратегические ориентиры? Насколько рационально и полно используются для их достижения ресурсы? Насколько обоснована логическая последовательность предполагаемых мероприятий? Что надлежит сделать, чтобы устранить разрывы, и какие потребуются усилия и ресурсы?

Рассмотрение перспектив формирования новых территориальных образований – опорных зон, представленных в законопроекте «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» и Государственной программе РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», позволило выявить следующие виды разрывов и узких мест:

1). Сохраняется индустриальная схема освоения Арктики на базе ресурсоэксплуатирующих отраслей. Не прослеживается тенденция перехода на производственно-

технологические цепочки глубокой переработки сырья, что должно воздействовать на структурные изменения, повышение конкурентоспособности, усиление инновационной направленности и служить средством для достижения целей промышленно-инновационной политики России;

2). Наблюдается рамочный характер в части режима функционирования опорных зон, определяющего условия реализации и участия в них. Без указания данных положений невозможны эффективное управление, использование возможностей, которые способствуют диверсификации и совершенствованию структуры экономики, обеспечивающих конкурентные преимущества макрорегиона;

3). Не в полной мере представлен кластерный подход территориального развития, который должен выполнять роль регулятора взаимоувязанного кооперирования и комбинирования промышленного освоения, способствовать промышленно-инновационной ориентации и достижению качественно нового уровня организации и управления экономикой макрорегиона во всех сферах хозяйственной деятельности. Важнейшим элементом кластерного подхода являются совместные усилия бизнеса и органов власти арктических регионов. Роли, которые должны выполнять администрации и бизнес при развитии кластеров, разные, но взаимодополняющие [9]. В этом случае необходима консолидация усилий промышленных предприятий, соответствующих властных структур, финансовых организаций, сервисных и научно-исследовательских организаций, образовательных учреждений для установления постоянного диалога между всеми участниками процесса кластеризации;

4). Слабо отражены специфические условия Арктики и особенности регулирования хозяйственной деятельности, связанные с воздействием на производственные процессы экстремальных природно-климатических условий, что приводит к удорожанию хозяйственной деятельности и вносит существенные коррективы в финансовые показатели реализации арктических проектов, что должно учитываться и отражаться в специальных мерах государственной поддержки для стимулирования экономической активности, способных заинтересовать потенциальных участников комплексного проекта освоения АЗРФ на принципиально новых организационных и финансовых основаниях, например, установлении льготных условий кредитования, особых налоговых условий, компенсации для населения АЗРФ в связи с северным удорожанием;

5). Недостаточно проработаны положения государственной политики в контексте бюджетного процесса по обеспечению формирования и функционирования опорных зон развития, организуемых и реализуемых федеральными ведомствами на основе преимущественно бюджетного финансирования, контролируемого Правительством Российской Федерации. Складывается двоякая ситуация: с одной стороны, существенное присутствие государства в экономике АЗРФ является благоприятным фактором (можно даже сказать – весомым конкурентным преимуществом), с другой стороны, государство берёт на себя несколько функций – регулятора, инвестора и контролёра, последовательно выполняя массу ролей, некоторые из которых абсолютно несовместимы. В государственной арктической политике должна быть разумная доля протекционизма с применением механизмов государственно-частного партнёрства, государство не должно подавлять интересы бизнеса и лишать его инициативы, оно должно выступать организующей и поддерживающей силой, создавая институциональные условия и чёткое распределение ответственности.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что Арктика всё больше становится областью реализации крупномасштабных проектов по внедрению инновационных методов освоения, новейших эко-сбалансированных технологий производства, информационных технологий. В современных условиях это возможно только на основе системности, синектики и

синергии при подготовке принимаемых решений, выборе последовательности мероприятий: определение технической возможности, экономической жизнеспособности проектов и условий обеспечения безопасности. Для достижения поставленных целей требуется междисциплинарный синтез знаний – экономического, экологического и социального, с учётом анализа рискованных ситуаций, позволяющие оптимизировать различные региональные задачи и гармонизировать взаимосвязь между человеком, хозяйством и природной средой в соответствии с принципами устойчивости и пространственно-экономического развития. Всё это отвечает долговременным стратегическим интересам России.

Список литературы

1. Абдулаева З.И. Стратегический анализ инновационных рисков. СПб.: Изд-во Политехн. университета, 2013. 150 с.
2. Андреева Е.Н. Опорные зоны в Арктике: новые веяния в решении старых проблем // ЭКО. 2017. № 9. С. 26–41.
3. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989. 519 с.
4. Вызовы и угрозы национальной безопасности в Российской Арктике. Научно-аналитический доклад / под ред. В.С. Селина, Т.П. Скуфьиной, Е.П. Башмаковой. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 53 с.
5. Научно-технические проблемы освоения Арктики. Доклад Министра природных ресурсов и экологии РФ С.Е. Донского. М.: Наука, 2015. 490 с.
6. Пилиасов А.Н. Прогнозное развитие регионов российской Арктики: трансформация пространства, внешние связи и уроки зарубежных стратегий // Арктика: экология и экономика. 2011. № 2. С. 10–17.
7. Хорин А.Н. Стратегический анализ. М.: ЭКСМО, 2006. 286 с.
8. Шпак А.В., Биев А.А., Серова В.А. Транспортная обеспеченность АЗРФ как фактор экономической безопасности страны // Современные организационно-экономические тенденции и проблемы развития Европейского Севера: материалы междунар. науч.-практ. конф., Мурманск, 23–24 апр. 2015 г. В 2 ч. Ч. 2 / под ред. А.И. Кибиткина. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2015. С. 139–143.
9. Швецов А.Н. Пространственная кластеризация инновационной деятельности: смысл, эффекты, государственная поддержка // Регион: экономика и социология. 2015. № 4. С. 142–161.
10. Экономическая безопасность и снижение неравномерности пространственного развития российского Севера и Арктики / под ред. В.С. Селина, Е.П. Башмаковой. Апатиты: КНЦ РАН, 2012. 232 с.

References

1. Abdulaeva Z.I. *Strategic Analysis of Innovative Risks*. S.-Petersburg, 2013. 150 p. (In Russian)
2. Andreeva E.N. The Supporting Zones in the Arctic: New Orders of the Day in Decision of Old Problems. *EKO [ECO]*. 2017. No. 9. Pp. 26–41. (In Russian)
3. Ansoff H.I. *Implanting Strategic Management*. Moscow, 1989. 519 p. (In Russian)
4. *Challenges and Threats to the National Security in the Russian Arctic. Scientific Analytical Report*. Ed. by V.S. Selin, T.P. Skufina, E.P. Bashmakova. Apatity, 2017. 53 p. (In Russian)
5. *Scientific and Technical Problems of Development of the Arctic. Report of S.E. Donskoy, the Minister of Natural Resources and Ecology of Russian Federation*. Moscow, 2015. 490 p. (In Russian)
6. Pilyasov A.N. Expected Development of the Russian Arctic Regions: Space Transformation, External Relations and Lessons of Foreign Strategy. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy]*. 2011. No. 2. Pp. 10–17. (In Russian)
7. Khorin A.N. *Strategic Analysis*. Moscow, 2006. 286 p. (In Russian)

8. Shpak A.V., Biev A.A., Serova V.A. Transport Security of the Russian Arctic as a Factor of the Country's Economic Security. In: *Modern Organizational and Economic Trends and Problems of the Development of European North: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Murmansk, April 23–24, 2015*. In 2 vols. Vol. 2. Ed. by A.I. Kibitkin. Murmansk, 2015. Pp. 139–143 (In Russian)
9. Shvetsov A.N. Spatial Clustering of Innovative Activities: Meaning, Effects, State Support. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2015. No. 4. Pp. 142–161. (In Russian)
10. *Economic Security and Reducing the Uneven Spatial Development of the Russian North and Arctic*. Ed. by V.S. Selin, E.P. Bashmakova. Apatity, 2012. 232 p. (In Russian)

Для цитирования:

Воронина Е.П. Формирование опорных зон развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение их функционирования: применение Gap-анализа // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 60–69. DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

For citing:

Voronina E.P. Formation of Support Zones for the Development of Arctic Zone of Russian Federation and Ensuring Their Functioning: Gap-Analysis. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 60–69. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ →

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

© Демьяненко А.Н.,
Украинский В.Н., 2017

УДК 332.1

**КОНКУРЕНЦИЯ НА РЫНКЕ
МЕСТОПОЛОЖЕНИЙ**

Ныне существующие концепции территориальной (региональной) конкурентоспособности, как правило, в качестве объекта рассматривают административно-территориальные единицы, что далеко не в полной мере отражает строение экономического пространства. Более продуктивно представление экономического пространства как совокупности взаимодействующих (в том числе и конкурирующих между собой) пространственных экономических систем. Исходным элементом таких систем выступают местоположения (места, локации), отличающиеся друг от друга набором свойств как природного, так и социального характера. Именно эти свойства являются источником конкурентных преимуществ, но они могут находиться как в актуализированной, так и в латентной форме. Актуализация конкурентных преимуществ предполагает наличие соответствующих институтов.

Конкуренция, местоположения, социальное пространство, конкурентное преимущество

COMPETITION IN THE MARKET OF PLACES

The existing concepts of territorial (regional) competitiveness, as a rule, are considered the administrative units which do not fully reflect the structure of the economic space. The representation of the economic space as a set of interacting (including competing among themselves) spatial economic systems is more productive. The initial elements of such systems are the places (locations) that differ from each other in a set of features, both natural and social. These features are the source of competitive advantages, but they can be both actualized and latent. The actualization of competitive advantages presupposes the existence of relevant institutions.

Competition, places, social space, competitive advantage

УКРАИНСКИЙ
Вадим
Николаевич

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

UKRAINSKY
Vadim
Nikolaevich

Ph.D. in economics,
research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

schtirl@pochtamt.ru

Для начала зафиксируем один очевидный факт: несмотря на обилие публикаций, в которых речь идёт о конкуренции и конкурентоспособности городов, регионов и стран, сколько-нибудь внятной общепринятой концепции региональной (территориальной) конкуренции нет.

Тогда неизбежен вопрос: а что есть? Есть, как минимум, два направления теоретической мысли. Первое из них в явном или не явном виде исходит из посылки, которую в предельно чётком виде сформулировали П. Кругман и М. Обстфельд: «Различия между регионами и странами имеют не качественный, а количественный характер. И там и там действуют одни и те же движущие силы, но в разном соотношении. В частности, отдельные регионы внутри страны гораздо более специализированы, чем страны, и факторы производства в них имеют куда большую подвижность» [3, с. 274]. Следовательно, возможна редукция макроэкономического анализа со всеми вытекающими последствиями.

Другое направление, напротив, имеет в основе тезис, согласно которому регион – не более чем совокупность в пределах той или иной территории экономических агентов (фирм, домохозяйств) и институтов (государства в первую очередь). При этом, как правило, границы региона совпадают с границами административно-территориальных единиц того или иного уровня.

По нашему мнению, оба подхода далеко не в полной мере отражает и статику, и динамику экономического пространства (ЭП). Мы полагаем, что более продуктивен подход, в основе которого лежит региональная концепция, которая позволяет рассматривать ЭП как совокупность взаимодействующих (в том числе и конкурирующих) пространственных экономических систем.

Очевидно, следует прежде всего обратить внимание на то, что есть экономический регион (район). В своё время Н.Н. Колосовский рассматривал экономический район как своего рода исходное понятие в экономико-географическом анализе. И такое понимание природы экономического района, несомненно, имеет право на существование.

Но при этом следует иметь в виду, что и Н.Н. Колосовский, и его старшие современники – И.Г. Александров, А.Н. Челинцев, Б.П. Книпович (список можно продолжить, но ограничимся лишь фигурами первого порядка) – рассматривали район как территориальную систему, причём формируемую в плановом порядке.

В рамках такой системы предприятия различных отраслей объединены производственно-технологическими связями по совместному использованию ресурсного потенциа-

ла. А для того чтобы означенные связи имели место быть, предполагалось создание единой сети инфраструктурного обеспечения (транспортной и энергетической в первую очередь) и единой системы расселения населения.

В этом случае исключалась конкуренция между предприятиями, образующими районный комбинат, но она не исчезла вовсе, как это ожидалось. Она приобрела иные формы. Показательна в этом отношении конкуренция между Урало-Кузнецким и Донецко-Приднепровским комбинатами за бюджетные инвестиции в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века.

Но оставим на время проблему конкуренции пространственных систем при социализме и вернёмся к исходному элементу анализа. Таковым элементом, по нашему мнению, является не район (регион, территория), а «место».

Именно «место», которое может быть определено «как то, где находится агент или предмет, где он «имеет место», существует, короче, как «локализация»...» [1, с. 35]. То есть, «место» только тогда становится «местом», когда его занимает агент (актор) или объект. Причём в одном месте могут одновременно оказаться и агент¹, и объект. Более того: и тех, и других может быть несколько (рис. 1).

Рис. 1. Пространство конкурирующих мест

И здесь самое время отметить, что П. Бурдьё анализирует социальное, а не физическое (точнее – природное) пространство. Хотя и в этом случае игнорирование природного пространства, как минимум, нецелесообразно. В конечном счёте, «оно было и остаётся общей отправной точкой: истоком, *origo* социального процесса, быть может, основой любой «оригинальности»» [4, с. 44]. Добавим: в том числе источником «оригинальности» мест уже в пространстве социальном.

Но как бы ни был значим вклад свойств природного пространства в формирование

¹ Дополнительные сложности, безусловно, добавляет то обстоятельство, что характер связи агентов с местом может варьироваться. Как пишет И. Гордон, «значение того факта, что «бизнес «находится» в районе», может сильно различаться в зависимости от того, кто им владеет, статуса / роли локальных операций, и того, насколько они укоренены в местную экономику» [12, р. 32].

«оригинальности» мест, всё-таки следует помнить, что всякий раз говоря о своеобразии мест, об их конкуренции между собой, мы имеем в виду социальное пространство.

И так как само понятие «социальное пространство» достаточно многозначно, то зафиксируем его сущностные свойства, которые могут быть полезны в последующем анализе конкуренции на рынке местоположений.

Для начала вслед за А. Лефевром констатируем, что «социальное пространство – это пространство общества» [4, с. 41]. Далее зафиксируем, что социальное пространство есть пространство абстрактное, «конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, социальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [1, с. 40–41].

Возможно, необычно широкая трактовка «капитала» мало оправдана в качестве объяснения структуры социального пространства¹. Но то, что социальное пространство есть «ансамбль» полей, представляется весьма продуктивной идеей, позволяющей по-новому подойти к анализу конкуренции местоположений и районов, если последние рассматривать как систему мест, объединенных в единое целое, то есть в пространственную социальную систему².

Итак, попробуем подвести промежуточные итоги: местоположение, будучи своего рода исходной единицей анализа социального пространства, остаётся таковой и для анализа экономического пространства (ЭП). Одно местоположение отличается от другого набором свойств, которые имеют как природный, так и социальный (в том числе и экономический) характер. При этом особого упоминания заслуживают свойства местоположения, проистекающие из его положения в структуре социального (в том числе экономического) пространства³.

Именно уникальный набор свойств отличает одно местоположение от другого. И здесь следует отметить, что говоря о «наборе свойств», мы имеем в виду не некую совокупность свойств, не связанных друг с другом, а взаимосвязанную и взаимообусловленную систему свойств, которые реализуются в социально-территориальных общностях (СТО) или, иначе, общностях по поселению⁴.

Скорее всего, здесь будет уместно уточнить, что СТО – это не другое название населённых мест. Хотя границы СТО, как правило, совпадают с границами населённых пунктов, если брать в рассмотрение их размер (обычно сельских поселений, а также малых и, нередко,

¹ Хотя различные «капиталы» («отношенческий», социальный и т.п.) получили сегодня достаточно широкое распространение в регионалистике. В связи с рассматриваемой темой – конкуренцией мест – особый интерес может представлять попытка синтеза разнообразных «капиталов» в рамках так называемого «территориального капитала» [10; 11].

² Во избежание путаницы отметим, что мы разделяем социальное в широкой и узкой трактовке этого понятия. В первом случае социальное – синоним общественного, во втором – всё то, что относится к собственно социальным процессам и структурам.

³ В отечественной экономической географии этот аспект был достаточно детально разработан в рамках концепции экономико-географического положения. См., например, [5].

⁴ Концепция социально-территориальных общностей активно разрабатывалась в отечественной социологии и социальной географии в 70-х – 80-х гг. прошлого столетия. Объектами исследований выступали как города [6], так и сельские поселения [7]. И в этом отношении концепция социально-территориальных общностей вполне вписывалась в общемировой контекст. В чём легко убедиться, если обратиться, например, к работам Н. Смелзера. Приведём лишь одну цитату: «Поселенческую общность можно определить как совокупность людей, которые имеют постоянное место жительства, зависят друг от друга в повседневной жизни и осуществляют многие виды деятельности для удовлетворения своих экономических и социальных потребностей» [9, с. 269].

средних городов), но могут и не совпадать: как правило, большие города, а тем более мегаполисы включают в свои границы несколько СТО.

В конечном счёте, упомянутые выше свойства и являются источником конкурентных преимуществ отдельных мест. При этом следует вспомнить, что не существует одного социального пространства, но существует множество социальных пространств, а местоположения в социальном пространстве, в отличие от местоположений в пространстве природы, «не только соплагаются. Они пересекаются, сочетаются между собой и накладываются друг на друга, а иногда сталкиваются» [4, с. 98].

Более того, когда речь заходит об источниках конкурентных преимуществ мест, следует иметь в виду ещё и следующие обстоятельства, а именно: насколько велико (значимо) это преимущество; степень его уникальности; наконец, насколько оно устойчиво. Но какова бы не была природа источников конкурентных преимуществ, они далеко не всегда могут быть актуализированы, тем более в полной мере. Актуализация конкурентных преимуществ предполагает наличие соответствующих институтов и организаций.

Здесь необходимо вспомнить о том, что «в иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции» [1, с. 36]. Помимо всего прочего это означает, что места тем или иным образом соотносятся с различными уровнями организации власти.

Итак, любое место в социальном пространстве обладает набором свойств, определяющих в конечном счёте его конкурентные преимущества, которые могут находиться в латентной форме. Чтобы эти свойства актуализировать, то есть сделать место привлекательным для населения, туристов, инвесторов, бизнеса, необходимы соответствующие усилия (действия) со стороны организаций (как формальных, так и неформальных). В свою очередь, организации, имеющие целью актуализировать конкурентные преимущества места, осуществляют свою деятельность в соответствии со сложившейся системой норм, правил и ценностей, то есть институтов¹.

Но как бы ни были значимы для актуализации конкурентных преимуществ мест усилия формальных и неформальных институтов и организаций, особого внимания всё-таки заслуживает рынок местоположений. Само собой разумеется, что определив рынок в качестве механизма координации «деятельности» мест, мы должны отметить, что «поведение» мест как агентов столь специфического рынка определяется не только конкуренцией, но и сотрудничеством.

Далее зафиксируем ещё одно положение, имеющее методологический характер, на которое в своё время обратил внимание Ф. Котлер с соавторами. Мы имеем в виду следующее: «любая территория подвержена *внутренней* цикличности роста и упадка», и в то же время «любое место может испытывать воздействие *внешних* потрясений и сил, находящихся вне его контроля» [2, с. 33].

Иначе говоря, в отношении мест вполне уместна метафора жизненного цикла, что предполагает, помимо всего прочего, следующее: во-первых, эволюция мест имеет, как минимум, нелинейный характер, а во-вторых, места в ходе своего развития могут претерпевать не только эволюционные, но и революционные (радикальные) изменения. Причём если в первом случае мы имеем дело с внутренними источниками развития, то во втором – внешними.

Следовательно, всякий раз приступая к актуализации конкурентных преимуществ тех

¹ Впрочем, полученную картину опять же можно усложнить, вспомнив о том, что организации могут не только «играть по правилам», но и вырабатывать их, то есть генерировать институты.

или иных мест посредством рыночного стратегического планирования, мы должны иметь в виду не только то, что местоположение всегда вписано в рамки социального (экономического в том числе) пространства. В рамках стратегии мы в равной степени должны учитывать как внутренние, так и внешние факторы развития, отдавая себе отчёт в том, что одни и те же места могут конкурировать с другими местами и в тоже время сотрудничать с последними.

При этом совсем неплохо помнить о том, что, как в своё время отметил М. Портер, «конкуренция есть нечто большее, чем просто соперничество между существующими конкурентами» [8, с. 15]. Классик имел в виду фирмы, но, по нашему мнению, этот тезис справедлив и в отношении конкуренции мест.

Список литературы

1. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33–52.
2. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с.
3. Кругман П.Р., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика. М.: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997. 799 с.
4. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
5. Маергойз И.М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М.: Изд-во МГУ, 1981. 138 с.
6. Межевич М.Н. Социальное развитие и город. Л.: Наука, 1979. 175 с.
7. Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск: Наука, 1980. 344 с.
8. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
9. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.
10. Camagni R. Regional Competitiveness: Towards a Concept of Territorial Capital // Modelling Regional Scenarios for the Enlarged Europe: European Competitiveness and Global Strategies. Ed. by R. Capello, R. Camagni, B. Chizzolini, U. Fratesi. Berlin: Springer-Verlag, 2008. Pp. 33–48.
11. Camagni R., Capello R. Regional Competitiveness and Territorial Capital: A Conceptual Approach and Empirical Evidence from the European Union // Regional Studies. 2013. Vol. 47. № 9. Pp. 1383–1402.
12. Gordon I. Territorial Competition // Handbook of Local and Regional Development. Ed. by A. Pike, A. Rodríguez-Pose, J. Tomaney. Abingdon: Routledge, 2011. Pp. 30–42.

References

1. Bourdieu P. Physical Space and Social Space: Penetration and Appropriation. In: Bourdieu P. *Sociology of Politics*. Moscow, 1993. Pp. 33–52. (In Russian)
2. Kotler P., Asplund C., Rein I., Haider D. *Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe*. S.-Petersburg, 2005. 382 p. (In Russian)
3. Krugman P.R., Obstfeld M. *International Economics. Theory and Policy*. Moscow, 1997. 799 p. (In Russian)
4. Lefebvre H. *The Production of Space*. Moscow, 2015. 432 p. (In Russian)
5. Maergoyz I.M. *The Method of Small-Scale Studies in Economic Geography*. Moscow, 1981. 138 p. (In Russian)

6. Mezhevich M.N. *Social Development and the City*. Leningrad, 1979. 175 p. (In Russian)
7. *Methodology and Techniques of Systematic Study of the Soviet Village*. Novosibirsk, 1980. 344 p. (In Russian)
8. Porter M.E. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors*. Moscow, 2005. 454 p. (In Russian)
9. Smelser N. *Sociology*. Moscow, 1994. 688 p. (In Russian)
10. Camagni R. Regional Competitiveness: Towards a Concept of Territorial Capital. In: *Modelling Regional Scenarios for the Enlarged Europe: European Competitiveness and Global Strategies*. Ed. by R. Capello, R. Camagni, B. Chizzolini, U. Fratesi. Berlin: Springer-Verlag, 2008. Pp. 33–48.
11. Camagni R., Capello R. Regional Competitiveness and Territorial Capital: A Conceptual Approach and Empirical Evidence from the European Union. *Regional Studies*. 2013. Vol. 47. No. 9. Pp. 1383–1402.
12. Gordon I. Territorial Competition. In: *Handbook of Local and Regional Development*. Ed. by A. Pike, A. Rodríguez-Pose, J. Tomaney. Abingdon: Routledge, 2011. Pp. 30–42.

Для цитирования:

Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Конкуренция на рынке местоположений // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 70–76. DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

For citing:

Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. Competition in the Market of Places. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 70–76. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

**УКРАИНСКИЙ
Вадим
Николаевич**

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**UKRAINSKY
Vadim
Nikolaevich**

Ph.D. in economics,
research fellow
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

schtirl@pochtamt.ru

УДК 332.1

**ИНДЕКСИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ:
ПЛЮСЫ И МИНУСЫ**

Чрезвычайно широкое распространение разнообразных рейтингов городов и регионов поднимает вполне закономерный вопрос: соответствующие измерительные процедуры приносят благо или работают во вред? Исследования зарубежных специалистов свидетельствуют, что пока минусы преобладают над плюсами.

Конкурентоспособность, индексирование, ранжирование, города, регионы

**INDEXING OF URBAN AND REGIONAL
COMPETITIVENESS: PRO ET CONTRA**

Extremely wide distribution of various ratings of cities and regions raises quite a legitimate question: appropriate measuring procedures bring good or work to harm? Studies of foreign researchers indicate that the minuses prevail over the pluses.

Competitiveness, indexing, ranking, cities, regions

В последние годы очень широкое распространение получили разнообразные рейтинги городов и регионов. Заметное место среди них занимают попытки оценить конкурентоспособность городов и регионов¹.

Как отмечает Дж. Бристоу, «склонность к бенчмаркингу и распространение одержимости конкурентоспособностью создала жадный спрос на индикаторы, с помощью которых политики и аналитики могут измерить и сравнить региональную конкурентную деятельность. Желание видеть, какие регионы «конкурентоспособны» или «выигрывают» в конкурентной игре, вполне понятно. Что поднимает всевозможные вопросы относительно того, что для региона означает «быть конкурентоспособным», и как это может быть измерено. Усилия всё больше и больше сосредотачивались на разработке сводных индексов...» [4, р. 68].

М. Китсон с соавторами выдал оценку причины массовости феномена, обратив внимание на «плюсах» использования соответствующих индексов: «в эру «индикаторов и рейтингов эффективности», возможно, неизбежно, что регионы и города будут сравниваться друг с другом с точки зрения их экономической эффективности. Такие сравнения могут служить полезной цели в том, что они подчеркивают, что регионы и города отличаются с точки зрения своего экономического процветания, и призывают к объяснению этого» [6, р. 997]².

Однако так ли уж «безобидны» поиски указанных «сводных индексов» конкурентоспособности и им подобных показателей? Некритичный взгляд³ может проигнорировать весьма серьёзные недостатки.

Однако первое, что может обескуражить неподготовленного исследователя проблем конкурентоспособности городов и регионов, – калейдоскопическое многообразие как самих индексов, коэффициентов, сводных показателей, так и методик их расчёта⁴.

Мнения многих авторов в этом отношении сходятся: «городская и региональная конкурентоспособность неотъемлемо многомерна» [10, р. 1108]. Как весьма метафорично высказались П.К. Кресл и В. Сингх, «конкурентоспособность – это не признак, который может быть измерен непосредственно; всё, что можно сделать – это измерить её характер и величину по, так сказать, отбрасываемой ею тени» [7, р. 1018].

Но остановимся несколько подробнее на «плюсах» индексирования. Дж. Бристоу дала таковым следующую общую оценку: «Сводные индексы конкурентоспособности, как представляется, обладают некоторой полезностью. Они, конечно, широко освещаются в СМИ и помогают удовлетворить потребность в данных о региональной экономической эффективности, которых исходят от различных агентств по региональному развитию, глав регионального правительства, инвестиционных агентств и торговых палат. Формат сравнительной таблицы неизбежно обольстителен для тех аналитиков и практиков, которые стремятся поглощать «быстрые и грязные» сравнительные оценки региональных экономических показателей или рассказать положительную историю «успеха» о своём конкретном регионе, который может

¹ Не обошла сия участь и Россию.

² Дж. Бристоу также отметила, что «фрост числа индексов конкурентоспособности и бенчмаркинга – продукт растущей культуры аудита, которая окружает неолиберальный подход к экономическому управлению в рыночной экономике» [4, р. 92]. Ещё одна отмеченная ею причина «модности» рейтингов – распространение «наиболее успешной практики» [4, р. 71].

³ Приведём весьма характерный образчик последнего: «для оценки конкурентных позиций регионов предлагаем методику, аналогичную методике определения страновых рейтингов» [1, с. 17].

⁴ «Беспорядок, который характеризует создание индикаторов и рейтингов конкурентоспособности, пожалуй, не удивителен. Он ясно отражает тот беспорядок, который связан со значением самой конкурентоспособности и отсутствием последовательной теоретической структуры, способной обеспечить соответствующей инструкцией при селекции соответствующих переменных и взаимосвязей между ними» [4, р. 86].

находиться на «вершине» или, например, «нагонять» подразумеваемых конкурентов» [4, р. 86].

Э. Малецки со ссылкой на американский The State Science and Technology Institute (SSTI) приводит следующий перечень достоинств инновационных индексов (последние, по сути, являются частным случаем индексов конкурентоспособности). Во-первых, такие индексы могут помочь населению лучше понять, что необходимо для процветания экономики, которая больше базируется на знаниях, технологически более сложна и глобально более конкурентоспособна. Во-вторых, индексы могут помочь определить области, которые требуют наиболее пристального внимания и должны быть включены в соответствующие целевые программы. Если индексы включают многолетние данные и регулярно оцениваются, по ним можно оценить направление развития экономики. И т.д. [10, р. 1110].

Согласно SSTI, «хороший индекс» предполагает наличие у него хотя бы некоторых (а лучше всех) характеристик из следующего набора:

- 1) общественное участие и широкие возможности в выборе используемых показателей и весов (если последние используются);
- 2) чёткое объяснение того, как измерялись или оценивались факторы;
- 3) объяснение целей индекса и того, почему определённые индикаторы были в него включены, а другие – нет;
- 4) оценка тенденций в изменении показателей во времени вместо «одноразовых снимков»;
- 5) широкое распространение результатов;
- 6) конкретные рекомендации для действий по результатам исследования, включая идентификацию ответственных сторон;
- 7) последующая оценка с целью улучшения (каждые 2–3 года);
- 8) надлежащее цитирование источников [10, р. 1115].

Как видно, чтобы сделать тот или иной индекс «хорошим», его разработчикам потребуется приложить массу усилий. Что, впрочем, не гарантирует ликвидацию всех «родимых пятен», присущих методикам индексирования конкурентоспособности как таковым.

Остановимся на некоторых из «минусов», используя для этого самый, пожалуй, обстоятельный критический разбор соответствующей зарубежной практики, выполненный Дж. Бристоу. Итак:

1). В сводных индексах проявляется тенденция смешивать индикаторы (часто очень разнородные) «в довольно хаотическом наборе нелинейных отношений». В результате затеняется то, благодаря каким конкретным детерминантам или как формируется конкурентоспособность [4, р. 78].

2). Решения, согласно которым регионы (или города¹) включаются в индексы, в основном определяются доступностью сопоставимых данных² или тем, что представляет интерес для «конструктора» индекса, а не тем, имеют ли они отношение к «соизмеримым пространствам, конкурирующим на соизмеримых рынках» [4, р. 84].

3). Существенные различия в разных подходах к оценке конкурентоспособности отчасти объясняются тем, что при применении системы весов к конкретным переменным исследо-

¹ Например, авторы «свежего» Глобального индекса конкурентоспособности городов прямо, без каких-либо особых обоснований заявили: «Мы рассматриваем города с административной точки зрения» [11, р. 20].

² Разработчик одного из известных индексов в качестве «методологического параметра» своей методики указал возможность «для как можно более частого обновления» индекса [5, р. 91].

ватели часто прибегают к субъективным оценкам [4, p. 85].

4). «Обычные сравнительные таблицы конкурентоспособности, ВВП и производительности, как правило, скорее скрывают пространственные неравенства в благополучии и их причины, чем показывают их». [4, p. 88]. Как поясняет Дж. Бристоу на примере Великобритании, самые «успешные» и конкурентоспособные экономические системы в этой стране часто характеризуются самым низким уровнем качества жизни и социального благополучия, поскольку они обладают целым «букетом» трудно разрешимых социальных проблем (высокая преступность, низкая доступность жилья, плохая экология и т.п.).

5). Сводные индексы и сравнительные таблицы неявно предполагают, что регионы являются ясно определёнными, понятными, атомистическими и очерченными границами единицами с измеримыми (исключительно экономическими) признаками. Что не согласуется с пониманием регионов скорее как более открытых, разнообразных и разнородных единиц с подвижными, «жидкими» границами [4, pp. 91–92].

6). Индексы помогают объяснить так называемую «выявляемую» конкурентоспособность, что имеет значение больше для политиков и инвесторов. А вот способность точно измерить фактическую экономическую эффективность и обеспечить руководством к действиям, как достигнуть неуловимой конкурентоспособности, вызывает сомнения [4, p. 92].

Представленные характеристики обрисовывают далеко не идеальный «портрет». Впрочем, перечень минусов может быть расширен. Например, есть вопросы относительно того, релевантны ли широко используемые при расчёте индексов конкурентоспособности данные органов государственной статистики исследовательским целям¹. Не менее фундаментален по своей значимости другой вопрос: а целесообразно ли вообще рассчитывать какие-либо сводные индексы конкурентоспособности?² М. Портер достаточно давно высказал вполне здравые аргументы против подобной практики [2, с. 27–28].

В конечном счёте, следует согласиться с тем, что пока «создание индексов конкурентоспособности далеко от того, чтобы быть точной ... наукой» [4, p. 91].

Список литературы

1. Ларина Н.И., Макаев А.И. Кластеризация как путь повышения международной конкурентоспособности страны и регионов // ЭКО. 2006. № 10. С. 2–26.
2. Портер М. Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
3. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2010. 246 с.
4. Bristow G. Critical Reflections on Regional Competitiveness: Theory, Policy and Practice. Abingdon: Routledge, 2010. 198 p.
5. Huggins R. Creating a UK Competitiveness index: Regional and Local Benchmarking // Regional Studies. 2003. Vol. 37. № 1. Pp. 89–96.
6. Kitson M., Martin R., Tyler P. Regional Competitiveness: An Elusive yet Key Concept // Regional Studies. 2004. Vol. 38. № 9. Pp. 991–999.
7. Kresl P.K., Singh B. Competitiveness and the Urban Economy: Twenty-Four Large US Metropolitan Areas // Urban Studies. 1999. Vol. 36. № 5–6. Pp. 1017–1027.
8. Leontief W. Academic Economics // Science. 1982. Vol. 217. № 4555. Pp. 104–107.
9. Leontief W. Theoretical Assumptions and Nonobserved Facts // The American Economic Review. 1971.

¹ Свой скепсис по этому поводу в своё время неоднократно выражал В. Леонтьев [8; 9].

² Отечественные исследователи (возможно, следуя за своими зарубежными коллегами) также преимущественно увлечены выработкой рецептов по расчёту именно сводных показателей конкурентоспособности (см., например, обзор методик в [3]).

Vol. 61. № 1. Pp. 1–7.

10. Malecki E.J. Jockeying for Position: What It Means and Why It Matters to Regional Development Policy When Places Compete // *Regional Studies*. 2004. Vol. 38. № 9. Pp. 1101–1120.

11. Ni P., Kamiya M. Global Urban Competitiveness: Theoretical Framework // *Cities Network along the Silk Road: The Global Urban Competitiveness Report 2017*. Ed. by P. Ni, M. Kamiya, R. Ding. Singapore: China Social Sciences Press, Springer Nature Singapore, 2017. Pp. 15–29.

References

1. Larina N.I., Makaev A.I. Clustering as a Way to Increase the International Competitiveness of the Country and Regions. *EKO [ECO]*. 2006. No. 10. Pp. 2–26. (In Russian)
2. Porter M.E. *The Competitive Advantage of Nations*. Moscow, 1993. 896 p. (In Russian)
3. *Production Clusters and Competitiveness of a Region*. Vologda, 2010. 246 p. (In Russian)
4. Bristow G. *Critical Reflections on Regional Competitiveness: Theory, Policy and Practice*. Abingdon: Routledge, 2010. 198 p.
5. Huggins R. Creating a UK Competitiveness index: Regional and Local Benchmarking. *Regional Studies*. 2003. Vol. 37. No. 1. Pp. 89–96.
6. Kitson M., Martin R., Tyler P. Regional Competitiveness: An Elusive yet Key Concept. *Regional Studies*. 2004. Vol. 38. No. 9. Pp. 991–999.
7. Kresl P.K., Singh B. Competitiveness and the Urban Economy: Twenty-Four Large US Metropolitan Areas. *Urban Studies*. 1999. Vol. 36. Nos. 5–6. Pp. 1017–1027.
8. Leontief W. Academic Economics. *Science*. 1982. Vol. 217. No. 4555. Pp. 104–107.
9. Leontief W. Theoretical Assumptions and Nonobserved Facts. *The American Economic Review*. 1971. Vol. 61. No. 1. Pp. 1–7.
10. Malecki E.J. Jockeying for Position: What It Means and Why It Matters to Regional Development Policy When Places Compete. *Regional Studies*. 2004. Vol. 38. No. 9. Pp. 1101–1120.
11. Ni P., Kamiya M. Global Urban Competitiveness: Theoretical Framework. In: *Cities Network along the Silk Road: The Global Urban Competitiveness Report 2017*. Ed. by P. Ni, M. Kamiya, R. Ding. Singapore: China Social Sciences Press, Springer Nature Singapore, 2017. Pp. 15–29.

■ ■ ■
Для цитирования:

Украинский В.Н. Индексирование городской и региональной конкурентоспособности: плюсы и минусы // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 77–81. DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

For citing:

Ukrainsky V.N. Indexing of Urban and Regional Competitiveness: *pro et contra*. *Regionalistica [Regionalistics]*. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 77–81. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.6](https://doi.org/10.14530/reg.2017.6)

Regionalistica

[Regionalistics]

2017 Vol. 4 No. 6

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФЦ77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible for
the compilation and presentation of
information contained in their papers.
Authors' views may not reflect
the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

Phone: +7 (4212) 225-404

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design & making-up:

V.N. Ukrainsky

Issuing Editors:

S.N. Naiden, V.N. Ukrainsky

*Petrus Plancius's map (1594) is used in
design of a cover*

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *A.N. Demyanenko*,
Doctor of Geography, Professor

A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)

S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)

O.M. Prokapalo, Doctor of Economics (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)

Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)

Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)

Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)

A.P. Goryunov, Ph.D. in economics (Khabarovsk, Russia)

A.A. Kireev, Ph.D. in political science (Vladivostok, Russia)

L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)

V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor, Khabarovsk,
Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir*,
Academician RAS

V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)

V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar, Russia)

V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)

S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)

Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)

A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)